

От Осло до Беэри: как 30-летняя иллюзия мира привела к резне ХАМАСа 7 октября

Автор: Эфраим Карш

Эта работа написана профессором Эфраимом Каршем, бывшим директором Центра стратегических исследований имени Бегина-Садата и почётным профессором ближневосточных и средиземноморских исследований в Королевском колледже Лондона. Профессор Карш также возглавлял Middle East Forum в Филадельфии и редактировал журнал Middle East Quarterly с 2010 по 2023 годы. Он является основателем и главным редактором журнала Israel Affairs и книжной серии Israeli History, Politics and Society издательства Routledge. Автор шестнадцати книг и более 100 научных статей.

Резюме

Неспособность предотвратить резню, устроенную ХАМАСом 7 октября 2023 года, когда были убиты около 1 300 израильтян - крупнейшую массовую резню евреев со времён Холокоста, - стала прямым следствием срочной телефонной консультации за три часа до вторжения террористической группы. В совещании участвовали высшие руководители ЦАХАЛа и Шабак, которые, несмотря на явные сигналы угрозы, приняли решение ничего не предпринимать и не уведомили командующего дивизией в Газе и политическое руководство об угрозе нападения.

Если бы были предприняты минимальные меры предосторожности, катастрофы можно было бы полностью избежать. Чтобы понять менталитет, лежащий в основе этого колоссального провала, необходимо проследить его развитие в контексте 30-летней иллюзии мира, связанной с процессом Осло, в целом и событий бурного года, предшествовавшего резне 7 октября, в частности.

Основные аспекты:

- Замена истинного мирного процесса на масштабный стратегический обман, направленный на уничтожение Израиля, и сопутствующее ему ослабление военных возможностей ЦАХАЛа и утрата наступательного боевого духа.
- Распад социополитической структуры Израиля, который достиг пика в 2023 году в виде массового гражданского неповиновения, что спровоцировало ХАМАС на действия.

Даже премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, который изначально выступал против процесса Осло и смог нейтрализовать его самые катастрофические последствия - создание в Иудее и Самарии и в Газе палестинского государства, нацеленного на уничтожение Израиля,, - не сумел увести страну от этого опасного курса. Ирония судьбы в том, что именно он вынужден был нести всю тяжесть 7 октября 2023 года.

11 октября 1947 года, после панарабского саммита в ливанском городе Али, генеральный секретарь Лиги арабских государств Абдель Рахман Аззам заявил, что решение ООН о создании еврейского государства приведёт к «войне на уничтожение и чудовищной резне, о которой будут говорить, как о монгольских резнях или крестовых походах». Эта угроза так и не воплотилась в реальность: молодое государство Израиль смогло отразить попытку объединённых арабских армий уничтожить его в момент создания. Однако ровно 76 лет спустя, 7 октября 2023 года, тысячи террористов ХАМАСа вырвались из сектора Газа и устроили вакханалию убийств, пыток, изнасилований, калечений, грабежей и похищений, которые могли бы затмить жестокость монгольских орд Чингисхана.

Когда через несколько дней ожесточённых рукопашных боёв Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) уничтожила или захватила большую часть террористов, проникших в страну, около 1,300 израильтян были убиты. Это стало крупнейшей резнёй евреев со времён Холокоста и самым жестоким терактом современности, масштаб которого в пересчёте на численность населения был в 14 раз больше числа жертв терактов 11 сентября в США.

Как такое могло произойти? Как Израиль снова оказался жертвой той же арабской уловки, приурочившей массированное нападение к еврейскому празднику - причём в 50-ю годовщину внезапного нападения в Йом-Кипур в 1973 году? Как всемирно известные израильские спецслужбы могли не выявить подготовку операции такого масштаба, которая велась годами? Где был мощный ЦАХАЛ в этот судьбоносный день?

6 октября 1973 года, всего через час после внезапного нападения, израильские самолёты уже бомбили египетские войска вдоль Суэцкого канала, находясь за сотни километров от своих баз. 7 октября 2023 года, в разгар вторжения, в течение нескольких часов не было видно ни одного самолёта, хотя атака произошла буквально в нескольких километрах от авиабаз. Только несколько боевых вертолётотв отчаянно пытались остановить поток террористов.

Видный британский историк А. Дж. П. Тейлор однажды заметил: «Войны напоминают автомобильные аварии: у них есть общие причины и частные причины одновременно». Что касается катастрофы 7 октября, частная причина очевидна и неоспорима: срочная телефонная консультация, состоявшаяся в 4 часа утра 7 октября, за два с половиной часа до вторжения. В обсуждении приняли участие начальник Генерального штаба ЦАХАЛа Херци Ха-Леви, командующий Южным фронтом Ярон Финкельман, начальник оперативного управления Оded Басюк и глава Шабака Ронен Бар.

На совещании обсуждался ряд тревожных признаков неминуемого вторжения ХАМАСа, включая одновременное включение множества израильских сим-карт в Газе и уход руководства организации в бункеры. Консультация завершилась решением вернуться к обсуждению утром. Никто не был предупреждён об угрозе: ни командующий дивизией в Газе, ни командующий ВВС (при этом Ха-Леви, как сообщается, отклонил запрос

Финкельмана о переброске боевых вертолёт на юг), ни министр обороны Йоав Галант, ни премьер-министр Биньямин Нетаньяху.

Более того, дивизия в Газе не была переведена на утреннюю боевую готовность - стандартную операционную процедуру. За час до вторжения солдатам пехотной бригады «Голани» было приказано не приближаться к пограничному забору до 9 утра. Единственной предпринятой мерой предосторожности стало направление небольшой контртеррористической группы Шабака на юг Израиля.

На консультации, состоявшейся утром 7 октября, отсутствовал начальник военной разведки ЦАХАЛа Аарон Халива. Он проводил отпуск с семьёй в курортном городе Эйлат на Красном море, когда был разбужен своим помощником в три часа утра и проинформирован о необычном накоплении признаков неминуемого нападения ХАМАСа. Однако он проигнорировал эти данные, тут же их отверг и вернулся ко сну. Почему начальник Генштаба Херци Ха-Леви не настоял на участии своего главного советника по разведке в столь критической консультации, остаётся загадкой.

Возможно, Ха-Леви знал, что это не изменит ситуацию из-за монолитного мышления высшего руководства ЦАХАЛа. Возможно, он не доверял суждениям Халивы, учитывая их долгую историю сложных отношений. А возможно, как предположил один из источников, Халива просто отключил телефон, чтобы избежать дальнейших прерываний отпуска. Сам Халива позднее оправдывал своё отсутствие следующим образом:

«Моё участие в консультации с начальником Генштаба ничего бы не изменило: я бы сказал, что это, скорее всего, учения, что [тревожные] признаки слабы и что нам следует подождать до утра. Это ни в малейшей степени не повлияло бы на итоговый результат».

Однако это не может служить оправданием для руководителя разведывательной службы, отвечающей за оценку национальной безопасности Израиля, особенно учитывая, что он более года был осведомлён о плане вторжения ХАМАСа. Принятие минимальных, очевидных мер предосторожности могло бы легко предотвратить катастрофу. Как отметил бывший премьер-министр и начальник Генштаба Эхуд Барак:

«Речь идёт не о системной проблеме, которую нельзя решить, а о халатности ответственного лица, не выполнившего своих обязанностей. Если бы они в 4:30 утра после завершения консультации решили, что терять нечего - ведь армия могла сразу объявить состояние полной боеготовности: все экипажи танков в своих машинах; каждый солдат на своём посту; все гражданские «отряды экстренного реагирования» [в приграничных населённых пунктах] на ногах; мобильные силы на автомобилях или вертолётах приведены в готовность; около шести вооружённых беспилотников патрулируют вдоль пограничного забора, наряду с четырьмя боевыми вертолётами. Если бы все эти меры были приняты, весь эпизод стал бы грандиозным провалом ХАМАСа».

Как могло случиться, что высшее руководство сил безопасности Израиля столь хладнокровно предало приграничные общины и солдат, защищавших их, многих из которых были убиты в своих кроватях? Как они могли не предупредить своих политических руководителей о явной и неминуемой угрозе национального масштаба, которая фактически представляла собой переворот, угрожающий демократической системе и национальной безопасности Израиля?

Чтобы полностью понять менталитет, лежащий в основе этого колоссального провала, необходимо рассмотреть его эволюцию в контексте 30-летней иллюзии мира, связанной с процессом Осло, а также событий бурного года, предшествующего резне 7 октября. Это подразумевает подмену истинного мирного процесса масштабным стратегическим обманом, направленным на уничтожение Израиля, и категорический отказ принять эту реальность вопреки всем доступным свидетельствам. Поддерживаемая значительной частью израильского политического и оборонного истеблишмента до сих пор, эта ошибка нанесла Израилю неисчислимый ущерб во многих сферах, ухудшив его безопасность, усилив внутренние разногласия, дестабилизировав политическую систему и ослабив международный авторитет, что наглядно иллюстрируется недавним решением Международного суда ООН о том, что «продолжительное присутствие Израиля на оккупированных палестинских территориях является незаконным» и должно быть прекращено «как можно быстрее».

Из множества разрушительных последствий, несколько ключевых факторов сыграли особенно важную роль в формировании мышления, которое привело к катастрофическим событиям 7 октября:

1. Признание трансформации Западного берега и сектора Газа в неустранимые террористические анклавы, откуда на израильские города обрушивались тысячи ракет и снарядов, а в результате многолетних террористических атак, включая четырёхлетнюю войну (эвфемистически названную «Интифадой аль-Аксы»), было убито около 2,000 израильтян. Не будь этой преднамеренной слепоты, трагедия 7 октября никогда бы не произошла.
2. Ослабление структуры боевого порядка ЦАХАЛа и замена его наступательного боевого духа осторожным, пассивным подходом, который подменял стремление к победе реактивным сдерживанием. Это привело к систематическому игнорированию и преуменьшению угрозы вплоть до роковой консультации 7 октября, что исключало необходимость превентивных мер.
3. Обострение многолетнего отказа левоцентристских элит - политических, юридических, медийных, академических и силовых - признать утрату национального доминирования и их всё более откровенное оспаривание легитимности правых правительств, возглавляемых «Ликудом». Это достигло пика в 2023 году, когда массовая волна гражданского неповиновения среди израильских евреев, вызванная кампанией подстрекательства о якобы намерении правительства превратить Израиль в диктатуру, начала подрывать оперативные возможности ЦАХАЛа и рвать на части социально-политическую ткань Израиля.

Всё это помогло ХАМАСу прийти к выводу, что момент для реализации давно запланированной «Операции Наводнение аль-Аксы» настал.

Даже Биньямин Нетаньяху, который с самого начала выступал против процесса Осло и смог предотвратить его наиболее катастрофические последствия - создание палестинского государства, нацеленного на уничтожение Израиля, на Западном берегу и в Газе, - не сумел увести Израиль от этого губительного курса и был вынужден нести всю тяжесть 7 октября 2023 года.

Смертельная иллюзия

«Троянский конь»

Торжественно начатый на лужайке Белого дома 13 сентября 1993 года, «мирный процесс» Осло основывался на иллюзии, что Организация освобождения Палестины (ООП) превратилась из террористической организации, стремящейся уничтожить Израиль, в истинного партнёра по миру, готового отказаться от десятилетий насилия ради мирного сосуществования. Как неоднократно заявляли премьер-министр Ицхак Рабин и министр иностранных дел Шимон Перес, оправдывая своё решение начать процесс, который привёл тысячи (как они надеялись, реформированных) террористов на Западный берег и в Газу, «мир заключают с врагами, а не с друзьями».

Проблема этого аргумента в том, что мир заключается с врагами, которые либо полностью разгромлены (например, Германия и Япония после Второй мировой войны), либо разочаровались в использовании насилия, но не с теми, кто остаётся приверженцем конфликта и войны. В отличие от президента Анвара Садата, который действительно стремился вывести Египет из бесполезного конфликта с Израилем, руководство ООП рассматривало процесс Осло не как путь к миру, а, по словам одного из видных деятелей ООП, как «Троянского коня», предназначенного для продвижения стратегической цели организации - «Палестины от реки [Иордан] до моря [Средиземного]», то есть Палестины вместо Израиля.

Ещё до церемонии на лужайке Белого дома Ясир Арафат признал свои истинные намерения, заявив израильскому журналисту: «В будущем Израиль и Палестина станут единым государством, где израильтяне и палестинцы будут жить вместе» - то есть Израиль перестанет существовать. И даже пожимая руку Рабину на лужайке Белого дома, глава ООП заверял палестинцев в заранее записанном сообщении на арабском языке, которое транслировалось иорданским телевидением, что это соглашение является всего лишь реализацией «поэтапной стратегии» организации от июня 1974 года. Эта стратегия предусматривала захват любых территорий, которые Израиль готов был или был вынужден уступить, с последующим использованием их в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии до полного «освобождения Палестины», то есть уничтожения Израиля.

На протяжении следующих одиннадцати лет, вплоть до своей смерти 11 ноября 2004 года, Арафат вёл сложную игру, изображая «мир храбрых», подписанный с «моим партнёром Ицхаком Рабином», перед израильской и западной аудиторией, но одновременно уверяя своих палестинских подданных, что соглашения Осло являются временными мерами, предназначенными для прокладывания пути к уничтожению Израиля. Он не выполнил своё обещание Рабину отменить многочисленные статьи Палестинской хартии, призывающие к уничтожению Израиля, продолжал воспитывать палестинцев в ненависти к израильтянам и евреям в масштабах и с интенсивностью, не имеющими равных со времён нацистской Германии, и отказался разоружить террористические группировки ХАМАС и «Исламский джихад», как того требовали соглашения Осло.

Эта политика сохранялась и при его преемнике Махмуде Аббасе - непримиримом отрицателе Холокоста и активном распространителе антисемитских измышлений, который никогда не отказывался от своей приверженности уничтожению Израиля. Неудивительно, что Аббас и его сторонники из ООП не осудили резню 7 октября, а некоторые из них даже открыто заявляли о причастности ООП к этому злодеянию и высказывали желание повторить подобное на Западном берегу. В том же духе Палестинская администрация, доминируемая ООП, предписала имамам мечетей включать в пятничные проповеди известный хадис (содержащийся в хартии ХАМАСа), призывающий к полному уничтожению евреев, а также развернула международную кампанию, направленную на дискредитацию антитеррористических операций Израиля как геноцида и требующую привлечения израильских политических и военных лидеров к ответственности за военные преступления.

При этом ООП не ограничивалась лишь критикой соглашений Осло и своего израильского «партнёра по миру». Превознося насилие как главный принцип своего правления, Арафат превратил Западный берег и Газу в очаги террористической активности в соответствии со своей неизменной целью - сделать эти территории плацдармом для «народной вооружённой революции», которая «заставит сионистов понять, что жить в Израиле для них невозможно». В период с момента церемонии в Белом доме до падения лейбористского правительства в мае 1996 года в результате террористических атак были убиты 210 израильтян - почти втрое больше, чем ежегодно погибало за предыдущие 26 лет. К моменту смерти Арафата террористическая война, начатая им в сентябре 2000 года, привела к гибели 1,028 израильтян в 5,760 атаках - девятикратное увеличение смертельных исходов по сравнению с периодом до Осло. Из них около 450 человек (или 43,8%) погибли в результате терактов смертников, практически неизвестной тактики в палестино-израильском контексте до Осло. Всего за 30 лет с момента запуска процесса Осло было убито более 1,700 израильтян, а ещё 10,000 получили ранения - это вчетверо больше, чем в среднем до Осло. Затем наступила резня 7 октября, почти удвоившая эти человеческие потери за один день.

С широко закрытыми глазами

Способность ООП безнаказанно проводить свою стратегическую дезинформацию стала возможной благодаря нарастающей усталости израильского общества и его стремлению к

нормализации, которая позволила бы наслаждаться недавно обретенным благосостоянием. Даже Рабин, широко известный как «Мистер Безопасность», был вынужден пойти на процесс Осло, опасаясь, что израильское общество утратило волю к продолжительному конфликту. Отсюда его готовность вернуть Голанские высоты Сирии вопреки его давней позиции и предвыборным обещаниям; отсюда поспешное одобрение кабинетом временного соглашения, согласованного в Осло, без обсуждения его полной сути и последствий и отсюда упрямое игнорирование бесчисленных нарушений ООП соглашений Осло. «У нас были книги и книги, полные нарушений, — говорил израильский дипломат в Осло американскому журналисту. «Я видел, как Рабин и Перес были рассержены тем, что им пришлось есть от палестинцев. Но если бы они ответили публично, все в Израиле сказали бы: «Вы выбрали их. Вы говорите, что они нарушили все соглашения, что им нельзя доверять. Хорошо. Вы совершили ошибку; так признайте, что что-то нужно сделать»».

Пугающе называя сотни убитых израильтян «жертвами мира», Рабин неоднократно выражал своё недовольство палестинским терроризмом, но так и не предпринял необходимых мер, чтобы его остановить. Вместо этого он находил странные оправдания своему бездействию, включая парадоксальную концепцию обеспечения палестинского соблюдения договорённостей через их несоблюдение. Иначе говоря, вместо того чтобы требовать от ООП строгого выполнения соглашений или публично обвинять Арафата в их нарушении, Израиль, по мнению Рабина, должен был укреплять позиции Арафата уступками (например, освобождением большего числа заключённых-террористов), так как «другого партнёра для мира нет».

Когда критики соглашений в Осло предупреждали о катастрофических последствиях этого процесса, Рабин называл их «трусами мира», которые «до смерти боятся мира». «Ужасы, которые пророчит Ликуд, всем известны, — насмешливо говорил он. — Они обещали нам "Катюши" из Газы. Уже год сектор Газа в основном находится под управлением ПА. Не было ни одной "Катюши" и не будет». Он даже пошёл дальше, обвинив Нетаньяху в том, что он «соратник ХАМАСа», а Ликуд назвал «лучшим союзником, о котором мог бы мечтать ХАМАС».

Если таково было мнение скептического «господина Безопасность», неудивительно, что Перес, который изначально подтолкнул Рабина к процессу, видел в Осло не только конец палестино-израильского конфликта, но и предвестие «Нового Ближнего Востока», который станет «духовным и культурным центром для всего мира». Поэтому Перес всеми силами стремился отрицать, преуменьшать и оправдывать бесконечные палестинские нарушения соглашений в Осло или любое проявление продолжающейся приверженности ООП к уничтожению Израиля.

Перес игнорировал отказ ООП отменить статьи палестинской хартии, призывающие к уничтожению Израиля, как того требовали соглашения, и отвергал их упорное настаивание на «праве на возвращение» — стандартный палестинско-арабский эвфемизм для уничтожения Израиля через демографическое давление, называя его «арабской мечтой, которой суждено остаться мечтой». Когда Арафат в разговоре с

южноафриканскими мусульманскими лидерами назвал соглашения в Осло уловкой для окончательного уничтожения Израиля и призвал к панисламскому джихаду против Израиля, Перес оправдывал эти высказывания как отражение трудного процесса адаптации Арафата к новой реальности. «Я думаю, что для мирного процесса создать партнёра более важно, чем разработать план», утверждал он. «Потому что планы не создают партнёров, но если у вас есть партнёр, вы можете договориться о плане». Но что, если партнёр не соответствует возложенной на него роли? «Мы закрываем глаза. Мы не критикуем, потому что ради мира мы должны создать партнёра».

Даже когда Арафат в сентябре 2000 года начал полномасштабную войну террора спустя два месяца после того, как ему было предложено создать независимое государство на Западном берегу и в Газе с Восточным Иерусалимом в качестве столицы, Израиль не захотел избавиться от этого фасада. Правительство Барака не только не попыталось уничтожить террористическую инфраструктуру ООП - ценой огромных человеческих жертв для Израиля, - но и на последующем саммите в Табе (21–27 января 2001 года), по словам источников ООП, оно «значительно продвинулось за рамки позиций, заявленных в Кэмп-Дэвиде как “красные линии”».

«Ослоизация» Ариэля Шарона и Эхуда Ольмерта

Хотя последнее поражение Барака привело всего за две недели к его сокрушительному поражению на выборах против Ариэля Шарона, новый премьер-министр, несмотря на свою репутацию самого жёсткого израильского военного лидера, сохранил дискредитированную стратегию своего предшественника перед лицом растущих терактов-самоубийств на улицах и в автобусах Израиля. Это проявилось не только в военной сфере, где Шарону потребовалось больше года, чтобы приступить к длительной четырехлетней кампании, начавшейся с операции «Оборонительный щит» (29 марта – 10 мая 2002 г.), по уничтожению террористической инфраструктуры на Западном берегу, но не в секторе Газа, но и в его неожиданном обращении к заблуждению Осло. Когда Перес стал министром иностранных дел, еще в октябре 2001 года Шарон порвал с идеологическим принципом «Ликуда», приняв решение о создании двух государств — Израиля и палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа — при условии, что новое государство будет демилитаризовано, как будто Арафат не высмеял договорные обязательства ООП в этом отношении. Поступая так, Шарон пошел гораздо дальше Рабина, который представлял себе «образование, не являющееся государством, которое будет независимо управлять жизнью палестинцев, находящихся под его контролем» в более узких границах, чем границы до 1967 года.

В мае 2002 года министр финансов Биньямин Нетаньяху организовал принятие Ликудом резолюции о том, что «не будет палестинского государства к западу от реки Иордан». В ответ Ариэль Шарон заявил, что уважает демократическое решение своей партии, но пообещал «продолжать вести государство Израиль и народ Израиля в соответствии с принципами, которые всегда меня направляли». Уже через месяц он принял с рядом оговорок предложение президента Джорджа Буша о поэтапном прогрессе в направлении

создания палестинского государства. Позднее он также поддержал так называемую «дорожную карту», разработанную «квartetом» (США, ЕС, Россия и ООН).

В рамках этой программы Шарон рассматривал вывод ЦАХАЛа из сектора Газа и эвакуацию израильских поселений, включая 8,000 израильтян, живших в них, как жизненно необходимую передышку до того, как ООП «опомнится», прекратит террористическую войну («интифаду Аль-Акса») и вернётся за стол переговоров. В своём первом публичном объявлении о плане выхода 19 декабря 2003 года он обратился к палестинцам: «У нас нет интереса контролировать вас. Мы хотим, чтобы вы управляли своей жизнью в своём государстве - демократическом палестинском государстве с территориальной целостностью и экономической самостоятельностью в Иудее и Самарии, которое поддерживает нормальные, мирные и безопасные отношения с Израилем».

Десять месяцев спустя на дебатах в Кнессете, посвящённых размежеванию, Шарон повторил эту идею, утверждая, что был сторонником решения о двух государствах ещё в конце 1980-х годов, когда (как он утверждал) пытался убедить премьер-министра Ицхака Шамира в необходимости территориального компромисса. «Мы не хотим бессрочного господства над миллионами палестинцев, чьё население удваивается каждое поколение, - заявил он законодателям. - Как истинная демократия, Израиль не может поддерживать такую реальность в долгосрочной перспективе. План размежевания откроет дверь в новую реальность».

Не сумев убедить Ликуд поддержать смену политики и столкнувшись с вызовом со стороны Нетаньяху, который ушёл с поста министра незадолго до самого размежевания (август–сентябрь 2005 года), в ноябре 2005 года Шарон покинул Ликуд с третьёю депутатов партии и создал центристскую партию Кадима.

Можно лишь гадать, как далеко продвинулось бы «ослоизационное» мировоззрение Шарона, если бы не его массивный инсульт в январе 2006 года, во время подготовки к национальным выборам, после которого он впал в многолетнюю кому, из которой так и не вышел. Госсекретарь США Кондолиза Райс и заместитель Шарона Эхуд Ольмерт, заменивший его после недееспособности, утверждали, что премьер-министр был полон решимости осуществить дальнейшие выводы из Западного берега. Однако ясно, что Ольмерт мгновенно трансформировался из одного из самых ястребиных политиков Ликуда в самопровозглашённого «миротворца».

«Мы устали воевать, мы устали быть смелыми, мы устали побеждать, мы устали побеждать своих врагов», - объяснял он. «Мы хотим жить в совершенно иных отношениях с нашими соседями».

Во время своей предвыборной кампании Ольмерт использовал стандартную риторику левого лагеря, обещая «не вкладывать средства в строительство или развитие инфраструктуры за Зелёной чертой», чтобы высвободить «миллиарды шекелей для развития инфраструктуры в Негеве, Галилее и Иерусалиме».

Заняв пост премьер-министра на волне продолжающейся популярности Шарона, Ольмерт приступил к личным переговорам с Махмудом Аббасом, которые завершились ноябрьским саммитом в Аннаполисе в 2007 году. На нём он согласился на создание палестинского государства на всей территории Западного берега и Газы с обменом израильской территории на 6% Иудеи и Самарии, которые оставались бы под израильским суверенитетом. Восточный Иерусалим должен был стать столицей нового палестинского государства, а так называемый «Священный бассейн» должен был управляться международным попечительским советом из пяти членов: Израиля, ПА, Иордании, США и Саудовской Аравии. В долине Иордана вместо выведенного ЦАХАЛа должны были быть развёрнуты силы НАТО. Израиль должен был принять около 15–20 тысяч палестинских беженцев, что, по мнению Ольмерта, удовлетворило бы десятилетние палестинские требования о «праве на возвращение».

Это, разумеется, было самообманом высшей степени, который противоречил всем доступным доказательствам. Требование арабов, а затем и палестинцев, о «праве на возвращение», начиная с конца 1940-х годов, никогда не было тактическим ходом на переговорах или предметом торга. Оно являлось воплощением категорического отказа признать еврейское государство и стандартным эвфемизмом для его уничтожения путём демографического подрыва. Однако Эхуд Ольмерт, как и все сторонники Осло, старательно не обращал внимания на заявления своих палестинских «партнёров по миру», чтобы не разрушить свои тщательно выстроенные иллюзии. Даже в 2021 году он утверждал, что «Аббас никогда не говорил “нет”» предложенному мирному соглашению, а, напротив, «полностью его поддерживал». «Махмуд Аббас - очень достойный человек, порядочный, любящий мир. Я его уважаю, я ему доверяю, я бы заключил с ним мир. К сожалению, этого не произошло по причинам, которые я иногда не могу понять», - заявил он австралийскому журналисту.

Этот фантазийный нарратив противоречит не только словам самого Аббаса о том же событии (например, в 2015 году он рассказал израильскому телеканалу о своём отказе от предложений Ольмерта, которые, по его утверждению, были далеки от разрешения «проблемы палестинских беженцев»), но и множеству его заявлений за последние два десятилетия. Они варьировались от многократного отрицания самого существования Израиля в ежегодных выступлениях на Генеральной Ассамблее ООН до упорного отказа признать еврейскую идентичность государства, обвинений евреев в том, что они сами виновны в своём уничтожении во время Второй мировой войны, обвинений Израиля в совершении 50 холокостов, обещаний продолжать убийственную политику Арафата и так далее. Даже в июле 2022 года на пресс-конференции с президентом США Джо Байденом в Рамалле Аббас призвал положить конец «74-летней оккупации Палестины» Израилем.

Иными словами, почти через три десятилетия после начала процесса Осло палестинский «партнёр по миру» так и не признал права Израиля на существование и продолжает считать само его создание «оккупацией» «палестинских земель».

Ослабление ЦАХАЛа

Фантазия о «маленькой, умной армии»

Иллюзии о мирном процессе в Осло нашли плодородную почву в ЦАХАЛе. Уже в конце 1980-х годов тогдашний министр обороны Ицхак Рабин был убеждён, что первая интифада на Западном берегу и в Газе продемонстрировала ограниченность возможностей израильской армии. Поддерживая своего начальника, начальник Генштаба Дан Шомрон в январе 1989 года, чуть более чем через год после начала интифады, заявил: «Нет такого понятия, как искоренение интифады, потому что, по своей сути, она выражает борьбу национализма».

Другими словами, через шесть с половиной лет после уничтожения военной инфраструктуры ООП в Ливане и её изгнания в Тунис, откуда она едва могла осуществлять теракты, глава ЦАХАЛа отказался от идеи победы. Он настаивал на том, что армия может лишь выигрывать время для правительства, пока будет найдено решение палестино-израильского конфликта. Это пораженческое мировоззрение получило значительное развитие при Эхуде Бараке, который 1 апреля 1991 года сменил Шомрона на посту начальника Генштаба, что имело разрушительные последствия для боеспособности и наступательного духа ЦАХАЛа.

Присвоив концепцию Шомрона о «маленькой и умной армии» и сделав её определяющей чертой своего срока, Барак использовал процесс Осло как трамплин для реализации этой идеи. Уже в сентябре 1993 года, спустя всего две недели после торжественной церемонии в Белом доме, сообщалось, что он превращает ЦАХАЛ в «армию мира». Основное предположение этого коренного изменения заключалось в том, что безопасность является следствием мира, а не наоборот, и что распад Советского Союза лишил радикальные арабские государства способности воевать с Израилем. Поэтому ЦАХАЛ должен был быть перестроен таким образом, чтобы в первую очередь способствовать достижению мира.

Этот подход привел к последовательному сокращению наземных сил ЦАХАЛа и возросшей зависимости от авиации и сложных систем вооружений, которые рассматривались как главный барьер против единственной воспринимаемой экзистенциальной угрозы - стремления Тегерана к ядерному оружию. Через несколько дней после своего назначения начальником Генштаба Барак, как сообщается, утверждал, что поражение Ирака в Войне в Персидском заливе (январь–февраль 1991 года) исключило вероятность войны на восточном фронте Израиля на ближайшие 3-4 года, что позволяет ЦАХАЛу провести радикальное сокращение и реорганизацию. К концу его срока в январе 1995 года, согласно лондонскому Международному институту стратегических исследований, количество основных боевых танков (ОБТ) в ЦАХАЛе сократилось с 4,488 до 4,095. Шесть лет спустя, когда Барак завершил свои полтора года на посту премьер-министра и министра обороны, это число уменьшилось до 3,900. Весной 2013 года, когда он завершил шестилетний срок в качестве министра обороны в

правительствах Ольмерта и Нетаньяху, число ОБТ в ЦАХАЛе снизилось до 2,442, из которых только 480 относились к самым современным моделям. Это сопровождалось соответствующим сокращением боевых формирований ЦАХАЛа: с 16 дивизий в 1991 году (6 регулярных и 10 резервных) до 12 дивизий (6 регулярных и 6 резервных) в 2013 году.

Особенно заметным было сокращение бронетанковых сил ЦАХАЛа, которые были ключевым фактором побед в 1956 и 1967 годах и сыграли решающую роль в отражении внезапной атаки Египта и Сирии в 1973 году: с 12 дивизий в 1991 году до 7 дивизий в 2013 году. Неудивительно, что отставные командиры выступили с протестами против маргинализации бронетанковых войск и пополнения Генштаба офицерами из элитных подразделений. «У меня нет ничего против конкретных лиц в Генштабе, - заявил генерал-майор (в отставке) Исраэль Таль, «отец» ОБТ «Меркава». - Но я категорически против процесса, который ЦАХАЛ переживает в последние годы, особенно сейчас. Элитные подразделения, какими бы ни были их командиры и солдаты, не являются ни достаточным, ни даже необходимым условием для победы в войне. Войны можно выигрывать и без них».

Этот процесс продолжился в 2010-х годах, когда угроза межгосударственной войны на много фронтов казалась еще более далекой из-за региональной нестабильности, вызванной так называемой «Арабской весной». В конце 2011 года министр обороны Барак предсказал падение режима Башара Асада в течение нескольких недель, что должно было ослабить способность Ирана и «Хезболлы» вести войну против Израиля. Эту точку зрения поддержал министр стратегических дел Моше Яалон, бывший начальник Генштаба (2002–2005) и преемник Барака на посту министра обороны (2013–2016), который ранее саркастически пошутил, что Израиль должен позволить огромным арсеналам ракет и снарядов «Хезболлы» «просто гнить», вместо того чтобы противодействовать их накоплению.

Неудивительно, что при Яалоне, несмотря на продолжающееся наращивание военной мощи «Хезболлы» и ХАМАСа, танковый корпус ЦАХАЛа сократился еще на 1,000 единиц. При этом было уволено около 2,500 кадровых военных, около 100,000 резервистов были освобождены от службы, а срок обязательной службы для мужчин был сокращен с 36 до 32 месяцев (с дальнейшим сокращением до 30 месяцев, предусмотренным в 2020 году). Даже 7-я бронетанковая бригада - самая известная регулярная танковая сила ЦАХАЛа, участвовавшая во всех войнах Израиля с 1948 года, которая приняла на себя основной удар сирийской атаки в 1973 году, - оказалась на грани расформирования, что было предотвращено лишь волной общественного возмущения. Когда генерал-майор (в отставке) Ицхак Брик, отмеченный наградами командир корпуса и многолетний омбудсмен по жалобам солдат, предупредил о последствиях этих изменений, Яалон заявил, что танковые силы больше не играют значительной роли на современном поле боя, где доминируют высокотехнологичные системы вооружений, такие как БПЛА и дроны.

К моменту геноцидальной атаки ХАМАСа 7 октября 2023 года боевой порядок ЦАХАЛа насчитывал всего 1,300 танков (из которых только 600 - новейшие модели «Меркава» MkIV) - менее трети от их численности на момент начала процесса Осло. Они были

распределены между пятью бронетанковыми дивизиями по сравнению с 12 дивизиями в 1991 году. В это же время Израиль экспортировал сотни произведенных на родине танков зарубежным армиям, в том числе в недавно согласованной сделке о продаже 200 танков «Меркава» MkII/III Марокко. Как следствие, в последующей войне 2023–2024 годов против ХАМАСа, которую мгновенно поддержали «Хезболла» и другие иранские прокси из Йемена, Ирака и Сирии, Израиль не смог проводить наступательные операции одновременно на более чем одном фронте. Вместо этого он ограничивался ответными ударами по «Хезболле» и эвакуировал десятки тысяч израильтян из их домов в Галилее из-за опасений вторжения из Ливана - стратегическая неудача, подобной которой не было даже в войне 1948 года.

Этот оперативный тупик усугублялся острым дефицитом боеприпасов и вооружений, вызванным постепенной деградацией израильской «низкотехнологичной» военной промышленности в эпоху Осло. И здесь ключевую роль сыграл Эхуд Барак, который, уже через несколько месяцев после назначения начальником Генштаба, убедил министра обороны Моше Аренса закупать легкие боеприпасы, а также артиллерийские и танковые снаряды в США, а не в Израиле, якобы из экономических соображений. Этот процесс, ускорившийся в десятилетие, когда Барак занимал ключевые позиции в ЦАХАЛе и министерстве обороны, привел к закрытию производственных линий по выпуску боеприпасов и военного оборудования, что к войне 2023–2024 годов в Газе обернулось тревожным дефицитом и критической зависимостью от поставок из США. В 2012 году Барак даже приостановил производство танков «Меркава» и новых бронетранспортеров на их базе («Намер»), что вызвало резкую критику военных, технологических и экономических последствий такого решения.

Парадоксально, но предпочтение иностранным закупкам нанесло ущерб не только низкотехнологичному вооружению Израиля. Будучи заместителем начальника Генштаба, Барак выступал против разработки истребителя «Лави», который должен был укрепить самодостаточность Израиля в жизненно важной сфере воздушного боя, а также принести научные, технологические и экономические дивиденды. Кроме того, он скептически относился к интеграции Израиля в американскую программу «звездных войн». Став начальником Генштаба, он назначил специальную комиссию для оценки целесообразности продолжения разработки системы ПРО «Хец», которая позже стала неотъемлемой частью обороны Израиля и востребованным оружием на мировом рынке. Но «Хец» оказался не единственной стратегической системой вооружений, важность которой Барак недооценил. Уже в 1990 году он возглавил оппозицию в ЦАХАЛе против создания современного подводного флота, который должен был стать стратегическим дальнобойным средством Израиля, включая, как сообщалось, способность к ядерному удару возмездия, предлагая вместо этого купить и модернизировать старые подлодки.

Отказ от победы и сдача территорий

Анализируя причины успеха Израиля в Синайской кампании 1956 года, когда израильская армия разгромила египетские войска в Синае за 10 дней, начальник Генштаба Моше Даян отмечал, что его задачей было сдерживать рвущихся в бой «скакунов», а не подгонять

«ленивых волов». Спустя сорок лет большинство этих «скакунов» в ЦАХАЛе превратились в «ленивых волов» из-за иллюзий эпохи Осло, когда было принято считать, что процесс принесет мир, устранив экзистенциальные угрозы со стороны палестинских и арабских соседей Израиля, оставив только гораздо более управляемую угрозу со стороны «экстремистских» террористических организаций. В результате, офицеры с боевым духом и инициативой все чаще сталкивались с карьерными препятствиями, а руководство Генштаба заполняли посредственные, послушные исполнители. ЦАХАЛ отказался от традиционного стремления к быстрой победе - или вообще к какой-либо победе - в пользу стратегии «скашивания травы». Эта стратегия заключалась в изнурении и ослаблении террористических организаций через постепенное уничтожение их возможностей с целью достижения «рабочей договоренности» с ослабленным, но не побежденным врагом, чтобы отсрочить как можно дольше следующий конфликт.

Эта концепция получила широкую поддержку не только потому, что предполагалось, что такие организации представляют собой укоренившиеся националистические или исламистские идеалы, которые невозможно победить силой оружия, (как заявил представитель ЦАХАЛа Хагари в разгар войны 2023–2024 годов), а потому, что «будущее планирование и проведение контртеррористических кампаний должно будет не только обеспечить большую безопасность граждан Израиля, но и обеспечить позитивное направление политического диалога путем выработки «концептуальных изменений среди лиц, принимающих решения у противника... которые докажут противнику, что его [стратегическая] концепция больше не эффективна». По словам Яалона, одного из ведущих практиков этой концепции:

Израиль и палестинцы подобны сиамским близнецам, связанным пуповиной. Израиль, будучи более сильным из двух, должен направить более слабого «близнеца» по пути отделения. Путь к разделению проложен как туннель. Осло проложило дорогу к туннелю, а международное сообщество забетонировало ее... Но Арафат не заинтересован во всем этом. Арафат хочет не разделяться в конце туннеля, а взорвать его. Это приведет к войне, в которой нашей задачей будет блокировать попытку Арафата взорвать туннель и выбраться из него. Наша роль в войне будет заключаться в том, чтобы заставить Арафата вернуться в туннель, против его воли... отказаться от пути насилия и вернуться на политический путь.

Когда стало очевидно, что Арафат не собирался отказываться от насилия и продолжал свою войну террора до самой смерти, Шарон решил полностью вывести ЦАХАЛ и гражданских лиц из Газы, надеясь, что это убедит мир в окончании израильской «оккупации», хотя палестинское население сектора жило под властью ПА с мая 1994 года, и это дало бы Израилю международную легитимность для поддержания своей стратегии «кошения травы» в секторе Газа издали, посредством точечных авиаударов и без регулярных трений на земле. Однако эта надежда оказалась иллюзией: любое сильное израильское ответное действие на постоянно усиливающиеся нападения из Газы вызывало международное осуждение, а на улицы западных городов выходили толпы протестующих, не для того, чтобы поддержать братскую демократию, борющуюся с геноцидной, джихадистской террористической организацией прямо у себя на пороге, а для

того, чтобы демонизировать еврейское государство и очернять и нападать на своих собственных еврейских соотечественников в ходе самой сильной волны антисемитизма со времен Второй мировой войны.

Шарон мог бы предвидеть последствия. За пять лет до этого, 24 мая 2000 года, премьер-министр Эхуд Барак, руководствуясь схожей логикой, поспешно вывел войска Израиля из так называемой зоны безопасности в Южном Ливане. При этом израильские силы оставили тяжелое вооружение и военное оборудование, а также предали Армию Южного Ливана, которая на протяжении десятилетий помогала ЦАХАЛу в контртеррористических операциях. После ухода израильских войск армия Южного Ливана рухнула, тысячи ее бойцов и их семьи были вынуждены искать убежища в Израиле.

Барак назвал этот уход блестящим успехом. Настолько, что через два месяца после провала саммита в Кэмп-Дэвиде он поручил начальнику Генштаба Шаулю Мофазу подготовить оперативный план вывода ЦАХАЛа с большей части Западного берега реки Иордан. Однако этот шаг рассматривался в арабском мире как поражение могущественного ЦАХАЛа от небольшой, но решительной партизанской силы и стал катализатором «Интифады Аль-Аксы». Арафат рассудил: если Израиль не мог выдержать 20–25 погибших в год в борьбе с «Хезболлой» (меньше десятой части смертей на дорогах Израиля), то он точно не выдержит куда больших жертв в условиях затяжной палестинской интифады. На саммите в Кэмп-Дэвиде Арафат прямо предупредил израильских дипломатов: «Мы можем сделать так, чтобы прецедент “Хезболлы” повторился на территориях». После провала саммита эта угроза была усилена его ближайшими соратниками. Согласно опросу общественного мнения, две трети палестинцев поддерживали идею, что их руководство должно следовать примеру «Хезболлы». Плакаты на массовых демонстрациях обещали: «Ливан сегодня, Палестина завтра».

Еще тревожнее то, что вместо «осушения террористического болота» и подрыва поддержки «Хезболлы» среди населения Ливана, как предсказывал Барак, этот уход позволил исламистской организации вырасти до гигантских размеров, укрепить контроль над Ливаном и превратить Южный Ливан в террористический оплот. Этот регион стал плацдармом для атак на израильскую территорию, убежищем для постоянно растущего арсенала ракет и снарядов «Хезболлы» и зоной, где израильские силы могли бы понести тяжелые потери в случае общего конфликта. Игнорируя предупреждения Барака о том, что «никто не посмеет нас тронуть, как только мы будем внутри Израиля», генеральный секретарь «Хезболлы» Хасан Насралла насмешливо назвал Израиль «слабее паутины». Сразу после вывода войск «Хезболла» начала спорадические атаки на израильские населенные пункты и военные объекты на севере страны, которые происходили с частотой около шести раз в год. Эти атаки начались уже 7 октября 2000 года – всего через четыре месяца после вывода войск – с похищения трех израильских солдат на пограничном патруле (как оказалось, они были убиты в ходе атаки). Эскалация достигла пика 12 июля 2006 года, когда были похищены еще двое солдат (которые также погибли), трое были убиты в ходе трансграничного рейда, что стало причиной Второй ливанской войны (12 июля – 14 августа).

Отказ от наземного маневра

Во время этой войны «Хезболла» выпустила около 4000 ракет и снарядов по израильским городам и деревням – это была самая масштабная атака на населенные пункты Израиля со времен Войны за независимость 1948 года. В результате погибло 45 мирных жителей, был нанесен значительный экономический ущерб, а десятки тысяч человек были вынуждены покинуть свои дома и перебраться на юг страны. В то же время ЦАХАЛ за 34 дня боевых действий практически не продвинулся более чем на несколько километров от границы – что резко контрастировало с вторжением 1982 года, когда израильские силы за пять дней дошли до Бейрута. Только 11 августа – через месяц после начала боевых действий и за несколько часов до принятия Советом Безопасности резолюции 1701 о прекращении войны – правительство одобрило плохо продуманный и неудачно проведенный наземный маневр, который завершился через три дня, не приведя к значимым результатам, унеся 33 жизни из 119 военнослужащих, погибших за время этой войны.

Этот эпизод является не чем иным, как фактическим отказом от проведения любых наземных операций – основного преимущества ЦАХАЛа, которое принесло блестящие победы в 1956 и 1967 годах и впечатляющий успех в войне 1973 года. «Политическое и военное руководство, похоже, вынуждено было прибегнуть к наземным действиям только под давлением обстоятельств и когда у них не оставалось другого выбора», – отметила официальная комиссия по расследованию под председательством судьи Верховного суда Израиля Элияху Винограда. «Как же так получилось, что в конце концов, когда решение было принято, хотя и с запозданием и колебаниями, наземный маневр начался всего за несколько часов до принятия резолюции Совета Безопасности, на которую Израиль согласился? Более того, почему его не остановили после того, как резолюция была принята?»

Впервые в истории Израиля война, в которой он участвовал, завершилась без четкой победы. Полувоенная организация численностью всего в несколько тысяч боевиков успешно противостояла самой сильной армии на Ближнем Востоке в течение нескольких недель. Трудно переоценить далеко идущие последствия этого исхода как для самих израильтян, так и для их врагов, соседей и союзников страны, как в регионе, так и за его пределами.

Аналогичная тенденция наблюдалась после трех лет ракетных обстрелов из Газы, последовавших за односторонним выводом войск в 2005 году. Только спустя три года ЦАХАЛ запустил крупномасштабную операцию под названием «Литой свинец» (27 декабря 2008 года - 21 января 2009 года). Несмотря на то, что наземная операция этой кампании была лучше подготовлена и проведена, чем неудачная операция в Ливане, уже через десять дней после ее начала министр обороны Эхуд Барак и начальник Генштаба Габи Ашкенази (которого вернули из отставки после Второй ливанской войны для восстановления Армии обороны Израиля, особенно ее сухопутных войск) выступили за ее завершение. Они полагали, что военные цели достигли своей предельной эффективности, и дальнейшее проведение кампании становилось политическим риском.

Их позиция противоречила взгляду премьер-министра Эхуда Ольмерта, который, в отличие от медлительности, проявленной им во время Второй ливанской войны, настаивал на продолжении борьбы, несмотря на гуманитарные и дипломатические издержки. (Спустя годы Ольмерт утверждал, что хотел довести операцию до ее естественного завершения и уничтожить ХАМАС, однако ему помешали Барак, Ашкенази и министр иностранных дел Ципи Ливни).

Однако операция «Литой свинец» не изменила нежелания ЦАХАЛа предпринимать наземные маневры. Прогресс в разработке израильской системы противоракетной обороны, особенно системы «Железный купол», уменьшил давление в пользу наземных операций, направленных на устранение ракетной угрозы ХАМАСа. В результате две из трех последующих кампаний против ХАМАСа - операции «Облачный столп» (14–21 ноября 2012 года) и «Страж стен» (10–21 мая 2021 года) - ограничивались воздушными ударами и имели кратковременный характер. Наземная операция в ходе более продолжительной операции «Несокрушимая скала» (7 июля - 26 августа 2014 года) была начата только 17 июля после того, как ХАМАС отверг египетскую инициативу о прекращении огня, которую Израиль принял. Однако она была завершена уже 5 августа, за три недели до конца боевых действий. Если бы ХАМАС согласился с предложением Египта, наземной операции вообще бы не было.

Военные лидеры настолько стремились избежать наземной операции, что на заседании кабинета, одобрявшего операцию, начальник Генштаба Бени Ганц и начальник разведки Авив Кохави заверяли министров в том, что у ХАМАСа нет стремления к масштабной конфронтации, и одновременно предупреждали о последствиях возможной наземной операции. Они утверждали, что уничтожение ХАМАСа и повторная оккупация Газы потребуют многолетних усилий, потребуют около 10 млрд шекелей (2,8 млрд долларов США) прямых затрат (и почти в три раза больше на реконструкцию); приведут к массовым жертвам среди израильтян и палестинцев, вызовут беспорядки на Западном берегу и среди израильских арабов, а также поставят под угрозу мирные договоры с Египтом и Иорданией. На вопрос 15 июля, после того как ХАМАС отверг египетскую инициативу о прекращении огня, способна ли Армия обороны Израиля захватить сектор и какой ценой, Ганц сказал кабинету министров, что он предпочел бы провести эту стратегическую дискуссию в другой раз.

Учитывая такой пораженческий настрой, неудивительно, что на момент начала операции «Несокрушимая скала» не существовало плана по нейтрализации туннелей ХАМАСа, которые были признаны стратегической угрозой еще в конце 2013 года. Только после того, как 17 июля террористы вышли из одного из туннелей на территорию Израиля, ЦАХАЛ начал ограниченную наземную операцию. К моменту завершения боевых действий 26 августа удалось уничтожить или нейтрализовать лишь около половины этих туннелей, несмотря на указание кабинета уничтожить их все.

В последующие годы ЦАХАЛ запустил многолетнюю программу по нейтрализации туннелей ХАМАСа. Эта программа завершилась строительством 65-километрового барьера, включающего как подземные, так и надземные конструкции, вдоль границы

между Газой и Израилем. Это имело большой смысл, поскольку эти туннели представляли собой явную и реальную опасность крупномасштабного террористического вторжения в Израиль. Однако отсутствие комплексного планирования по борьбе с многочисленными «оборонительными» туннелями, на которые ХАМАС и «Хезболла» возлагали свои стратегии ведения войны, означало, что, несмотря на все преувеличения в доктринальном манифесте начальника штаба Айзенкота в 2015 году о «творческом/маневренном подходе» как «основном подходе Армии обороны Израиля к достижению решения», нежелание проводить масштабные наземные операции оставалось глубоко укорененным. Это было проиллюстрировано как существенным сокращением сухопутных войск в период правления Айзенкота (2015–2019 гг.), так и продолжающейся опорой на авиацию, наиболее ярким примером которой является «доктрина Дахия» Айзенкота, намекающая на масштабные разрушения, нанесенные шиитскому кварталу Бейрута и активизировавшемуся движению «Хезболла» во время Второй ливанской войны.

По словам Авива Кохави, который в январе 2019 года сменил Айзенкота на посту начальника штаба:

Третья ливанская война будет сопровождаться мощной [воздушной] атакой, которой они никогда не испытывали... Масштаб целей, которые у нас есть сегодня — в результате серьезных изменений, которые мы внесли в разведку, — беспрецедентен... Ливан покрыт тысячами и тысячами целей... и есть волны огневой мощи, которые поразят все эти цели и нанесут огромный и беспрецедентный ущерб Ливану, в том числе национальной инфраструктуре, которая поддерживает террор, такой как электростанции и другая инфраструктура... Я говорю жителям Ливана: «Я советую вам покинуть [район боевых действий] не только в начале войны, но и с самого начала конфликта и до того, как будет сделан первый выстрел. Я советую вам покинуть эти районы, потому что сила атаки будет невообразимой, подобной тому, что вы видели раньше

В соответствии с этой фиксацией на воздушной мощи, предполагаемая наземная операция (кодовое название «Молниеносный удар»), разработанная на случай крупного конфликта в Газе, не предполагала захват сектора или его частей. Она была задумана как отвлекающий манёвр: заманить сотни террористов ХАМАСа в определённые стратегические туннели (которые ЦАХАЛ прозвал «метро»), чтобы затем уничтожить их в укрытиях массированными авиаударами. Хотя исполнение этого плана в ходе операции «Страж стен» в мае 2021 года привело к гораздо меньшим потерям, оно всё же было представлено как «физический и психологический удар», подорвавший оперативную логику ХАМАСа и пошатнувший его уверенность.

Неудивительно, что, получив от кабинета министров указание уничтожить военный и политический потенциал ХАМАСа после резни 7 октября, ЦАХАЛ не имел плана захвата сектора и был вынужден срочно разрабатывать его. Даже тогда его осторожный, поэтапный подход, а не смелая многовекторная попытка окружить сектор одним ударом через одновременные штурмы Газы, Хан-Юниса и Рафияха, отразил хроническую робость

генерального штаба и недостаток уверенности в способности наземных войск выполнить эту задачу. Это привело к чрезмерному затягиванию войны, несмотря на впечатляющие успехи наземных сил, которые Джон Спенсер, один из ведущих мировых экспертов по городским боям, назвал «новым стандартом ведения боевых действий в городе, который будут изучать многие армии». Пример явной ситуации, когда «львов вели ослы», если воспользоваться знаменитым британским описанием их опыта Крымской войны и Первой мировой войны.

Сдерживание и его последствия

Эта укоренившаяся неприязнь к крупномасштабным наземным операциям была не только следствием постоянно сокращающихся наземных сил и оборудования ЦАХАЛа или философии «сдкашивания травы», заменившей стремление к решительной победе, но и возрастающим страхом потерь на поле боя, который овладел сознанием генерального штаба в годы Осло. Этот страх, разделяемый политическим руководством, СМИ и широкой общественностью, перевернул традиционные гражданско-военные отношения, в которых вооружённые силы предназначены для защиты гражданского населения от угроз, а не наоборот. Он нашёл отражение в десятилетиях реактивной политики сдерживания по отношению к палестинцам и «Хезболле», которую метко описал Эхуд Барак: «Ответом на тишину будет тишина». Как объясняется в недавнем исследовании исторического отдела ЦАХАЛа:

«С конца 1990-х годов в ЦАХАЛе пустила корни концепция ограниченного конфликта... В новом словаре появились такие термины, как “изоляция” и “истощение [противника]”, вытеснив традиционные термины, такие как “победа на поле боя” и “сдерживание”, в дополнение к отказу от таких фундаментальных принципов национальной безопасности Израиля, как перенос войны на территорию противника или захват территорий... что привело к неуклонному ухудшению ситуации с безопасностью».

Эта политика сдерживания началась с невнимания Рабина и Переса к волне терактов, вызванной процессом Осло (известный оксюморон «жертвы мира»), и продолжилась нежеланием Барака и Шарона подавить «Интифаду аль-Акса» до апреля 2002 года, что Шарон парадоксально назвал «сдержанность - это сила». Затем она проявилась в течение шести лет после выхода из Ливана в мае 2000 года, когда Израиль многократно не выполнял угрозы суровой мести за теракты, пока не был вынужден втянуться во Вторую ливанскую войну. Даже тогда конфликт воспринимался скорее как масштабная операция по «скашиванию травы», чем как полноценная война. Как отметила комиссия Винограда: «Правительство не хотело войны, не собиралось её инициировать и не знало, что идёт на войну. Только в марте 2007 года правительство официально решило, что то, что произошло, действительно было войной».

«Хезболла»

Несмотря на заявления архитекторов Ливанской войны о её успехе, который привёл к продолжительному периоду спокойствия, «Хезболла» не была сдержана и продолжала время от времени атаковать израильские цели, одновременно превращая Южный Ливан в укрепленный террористический плацдарм в явном нарушении Резолюции 1701. С тысячами хорошо вооружённых и закалённых в боях террористов, развёрнутых вдоль общей границы в состоянии постоянной готовности к вторжению в северный Израиль и оккупации приграничных населённых пунктов - сценарий, немыслимый со времён войны 1948 года - и с арсеналом из 150 тысяч ракет и снарядов, способных поразить любую цель в Израиле, между еврейским государством и террористической организацией сложился «баланс террора». Это вынуждало израильские правительства и ЦАХАЛ всеми силами избегать крупного конфликта, сосредоточив усилия на противодействии наращиванию военной мощи «Хезболлы» через авиаудары по её маршрутам снабжения в Сирии («кампания между войнами») и практически исключив удары по территории Ливана.

Наиболее ярко эта нерешительность проявилась в октябре 2022 года, когда угрозы войны со стороны «Хезболлы», подкреплённые запуском трёх беспилотников в сторону израильского газового месторождения в восточном Средиземноморье, вынудили израильское правительство отказаться от десятилетней позиции на переговорах и принять требования Бейрута по разграничению ливано-израильской морской границы и праву собственности на богатые газовые месторождения в спорной зоне. Премьер-министр Яир Лапид, стремясь заключить соглашение до выборов 1 ноября, не представил его на утверждение Кнессета, как это делалось с предыдущими арабо-израильскими соглашениями, сославшись на необходимость предотвратить неминуемую войну. «Израиль не боится “Хезболлы”, - заявил он. - ЦАХАЛ сильнее любой террористической организации. В то же время, если можно избежать войны, это обязанность любого ответственного правительства».

Эту позицию активно поддержал ЦАХАЛ, предоставивший Верховному суду секретную информацию, якобы доказывающую «жизненно важную необходимость» сделки, что позволило отклонить четыре иска против права временного правительства подписывать это соглашение. Начальник Генштаба Авив Кохави заявил, что соглашение «не просто сохраняет нашу безопасность, оно укрепляет её». Бывшие генералы также хвалили сделку. Амос Ядлин, экс-глава военной разведки и директор Института исследований национальной безопасности, дома для многих отставных старших офицеров и ведущей «академической» эхо-камеры силового ведомства, которая расхваливала соглашение как «выигрышное для всех». Другой ветеран разведки, генерал-майор Амос Гилад, определил соглашение как «стратегически необходимое для национальной безопасности Израиля», утверждая, что оно «может отложить угрозу войны с “Хезболлой” на долгие годы», вероятно, с иранским вмешательством, но также может заложить основу для освобождения Ливана от власти «Хезболлы», запустив процесс экономического восстановления страны. «Неподписание соглашения, в основном по политическим

причинам, будет несправедливостью по отношению к государству [Израиль] и его гражданам», — предупреждал он.

Однако эти прогнозы оказались столь же иллюзорными, как заявления Барака в мае 2000 года о «осушении террористического болота “Хезболлы”». Представитель организации в 2023 году хвастливо заявил, что, «если бы не пистолет Насраллы, приставленный к голове израильского правительства, [сделка] не состоялась бы». К февралю 2023 года Ядлин предупреждал, что ухудшение палестино-израильских отношений может спровоцировать вооруженное столкновение с «Хезболлой», учитывая «самоуверенность Насраллы во всем, что произошло во время демаркации экономической границы в Средиземном море».

Вскоре после резни 7 октября, когда Израиль начал ответные действия, «Хезболла» возобновила ракетные обстрелы израильских городов, атакуя военные базы и жилые здания, вынуждая десятки тысяч израильтян бежать из приграничных районов из-за угрозы возможного вторжения. Сценарий, немыслимый до ухода из Ливана в 2000 году, заставляет вспомнить слова Уинстона Черчилля, предупреждавшего перед Второй мировой войной: «Вам предложили выбор между войной и позором. Вы выбрали позор, и получите войну».

Газа

Хотя уничтожение террористической инфраструктуры в Иудее и Самарии в ходе «интифады Аль-Акса» позволило Израилю сдерживать терроризм в регионе с помощью операций по «стрижке газона», провал Шарона в повторении этого успеха в Газе и последующий односторонний уход в 2005 году позволили ХАМАСу превратить сектор в террористический оплот, который более двух десятилетий терроризировал Израиль. Преемники Шарона также не решались начать полномасштабную кампанию по подавлению ХАМАСа и демилитаризации сектора, как это предусматривали соглашения Осло. Как объяснял Нетаньяху в своей автобиографии:

«Уничтожение ХАМАСа требует ввода значительных пехотных сил в Газу, что может привести к сотням потерь с нашей стороны и многим тысячам погибших с палестинской стороны. Затем возникает вопрос, кому мы должны передать оккупированную Газу с её двумя миллионами жителей? Не существовало иной силы, кроме ЦАХАЛа, которая могла бы управлять сектором после его оккупации, и это управление могло длиться годами. Мог ли я связать ЦАХАЛ с Газой на неопределённый срок, когда большая угроза исходила от Ирана – и, возможно, с сирийского фронта? Однозначный ответ – нет. У нас были куда более важные военные цели».

К моменту подготовки к уходу из Газы в 2005 году разведывательные службы сообщили Шарону, что целенаправленное устранение основателя ХАМАСа Ахмада Ясина и его преемника Абдула Азиза Рантисси (март–апрель 2004 года) ослабило организацию настолько, что она не сможет свергнуть власть ПА, которая тогда управляла сектором, и

превратить Газу в «землю ХАМАСа». В том же духе публичное заявление 180 отставных генералов и высокопоставленных сотрудников сил безопасности, опубликованное во всех крупных израильских газетах, приветствовало предстоящий уход как важный вклад в национальную безопасность Израиля, который «улучшит оперативные возможности сил безопасности и обеспечит им [международную] легитимность [для ответных ударов в случае агрессии из Газы]; создаст стратегические и дипломатические изменения; и откроет перспективы для [мирного] урегулирования».

Эти прогнозы не оправдались. Победа ХАМАСа на выборах в январе 2006 года и изгнание ПЛО из сектора год спустя привели к противоположным результатам. Глава разведки Амос Ядлин, однако, приветствовал это развитие событий, заявив, что это позволит Израилю рассматривать Газу как враждебное образование и сосредоточиться на сотрудничестве с контролируемым ПЛО Западным берегом.

На практике это «особое обращение» вылилось в полтора года сдержанности в ответ на усиливающиеся ракетные обстрелы из Газы. Лишь после этого правительство решилось на операцию «Литой свинец», чтобы добиться временного затишья. Однако, как только вступило в силу перемирие, Ядлин заявил, что ХАМАС был сдержан. Министр обороны Барак присоединился к этому оптимистичному мнению: «Мы будем реагировать, но мы не останемся в секторе Газа. Стрельба прекратится благодаря сдерживанию. Как и в предыдущих инцидентах, [будет] ещё больше ракет, ещё больше миномётных снарядов, пока всё не уляжется».

В должности министра обороны при Нетаньяху Барак продолжил эту политику сдерживания, ограничиваясь точечными авиаударами в ответ на «ещё больше ракет». Исключением стала операция «Столп обороны» в ноябре 2012 года. Более того, он выражал готовность к сотрудничеству с ХАМАСом в случае его примирения с ПА: «Израиль – самая сильная страна в радиусе тысячи миль вокруг Иерусалима, и мы должны быть достаточно уверены в себе, чтобы не терять из виду то, что нужно делать, - заявил он американскому академическому журналу. - Нам нужно чувство направленности и готовность принимать решения. Мы должны это сделать».

Сомнительно, что Барак действительно верил в своё собственное хвастовство. В противном случае он, вероятно, довёл бы наземную операцию «Литой свинец» до её логического завершения, как якобы хотел Ольмерт, а не стремился прекратить её при первой же возможности. Возможно, он расширил бы операцию «Защитный столп», включив в неё наземную кампанию, чтобы, по крайней мере, обеспечить Израилю более длительное затишье. Однако очевидно, что систематическая боязнь наземных операций и сопутствующий страх перед эскалацией не отражали представления о себе как о «самой сильной армии в радиусе тысячи миль от Иерусалима». Ничто не подчеркивало эту робость столь резко, как систематическое уклонение от угрозы со стороны обширной подземной туннельной сети ХАМАСа, десятки из которых, по оценкам, представляли собой «наступательные туннели», проникающие на территорию Израиля.

Проблема начала формироваться ещё в 1994 году, когда Палестинская администрация взяла на себя управление палестинцами Газы. ХАМАС и другие местные группировки начали строить разветвлённую сеть туннелей под границей сектора с Египтом для контрабанды оружия, наркотиков и других запрещённых товаров. Затем эта сеть была расширена под территорией самого сектора для террористических целей. В результате в 2001–2004 годах семеро израильских солдат погибли при атаках из туннелей, а ещё семь – во время попыток нейтрализовать эту угрозу.

Затем произошла атака в июне 2006 года, когда террористы ХАМАСа проникли в Израиль через подземный туннель, убили двух солдат и похитили ещё одного, что привлекло внимание израильской общественности к этой проблеме. Несмотря на это, хотя оперативное управление ЦАХАЛа уже в феврале 2008 года подготовило «дорожную карту для подземных боевых действий», никакого комплексного плана нейтрализации туннелей разработано не было, не были приняты оперативные или организационные меры для решения этой задачи, а разведывательное управление до 2015 года даже не включало туннельную угрозу в список жизненно важных национальных целей.

Более того, в своих многочисленных выступлениях перед кабинетом главы разведывательных служб последовательно избегали упоминания туннельной угрозы, а начальник Генштаба Бени Ганц при редких упоминаниях этой темы преуменьшал её значение. В мае 2013 года, например, он заявил кабинету, что туннели представляют собой «угрозу атаки, но не крупного наступления», заверив министров, что эта угроза не является «очень значительной», так как она может включать «лишь несколько сотен человек». Такое заявление выглядит странным на фоне событий 2006 года, когда всего семеро террористов нанесли Израилю колоссальный стратегический урон: похищенный солдат был обменян на 1,027 заключённых, некоторые из которых позже участвовали в планировании резни 7 октября.

Хуже того: в месяцы, предшествующие операции «Несокрушимая скала», высшие эшелоны безопасности – министр обороны Моше Яалон, начальник Генштаба Ганц, глава разведки Кохави и директор Шабак Коэн – скрыли от кабинета министров жизненно важную информацию о готовящемся «серьёзном акте враждебности» со стороны ХАМАСа. Очевидно, они опасались, что их заставят нанести упреждающий удар, несмотря на значительные пробелы в разведданных о точных сроках нападения, что могло привести к масштабной эскалации.

Этот настрой, характерный для израильских служб безопасности в годы Осло, а также после ухода из Ливана и Газы, сохранялся вплоть до резни 7 октября и даже после неё. Он проявлялся в одновременных и противоречивых поведенческих моделях: с одной стороны, это нагнетание страхов относительно чрезмерных издержек наземной операции в Газе, с другой – упорное преуменьшение террористической угрозы ХАМАСа. Руководству служб безопасности, казалось, не приходило в голову, что если ХАМАС способен нанести серьёзные потери манёвренным силам, то он также способен причинить аналогичный урон израильскому гражданскому населению.

С давно забытыми в Израиле воспоминаниями о ежедневных терактах и перестрелках «Интифады Аль-Акса», угроза ХАМАСа была почти исключительно связана с запуском ракет/ракет по населенным пунктам Израиля, большинство из которых могло быть перехвачено системой «Железный купол». Даже после того, как руководство ЦАХАЛа было неохотно вынуждено признать угрозу наступательных туннелей ХАМАСа во время операции «Нерушимая скала», оно по-прежнему относилось к угрозе к «ограниченному проникновению террористов в террористических или пиар-целях» и считало, что угроза была полностью устранена с завершением подземного барьера в декабре 2021 года. В то же время генеральный штаб полностью проигнорировал возможность крупномасштабного наземного вторжения из Газы, несмотря на определение начальниками штабов Кохави и Ха-Леви ХАМАСа (и «Хезболлы») как террористических армий, а не «просто» террористических организаций.

В программной статье о «многомерной обороне» генерал-майор Герци Ха-Леви, занимавший пост командующего Южным военным округом в 2018–2021 годах, упомянул о стремлении ХАМАСа и «Хезболлы» проникнуть на территорию Израиля с целью «нанести ущерб, взять заложников, а главное – произвести эффект на общественное мнение и СМИ, создав впечатление, что произошло нечто беспрецедентное». Однако, обсуждая разнообразные угрозы, с которыми сталкивается Израиль, и необходимые меры для их нейтрализации, включая подземные проникновения, Ха-Леви не упомянул о возможности наземного вторжения.

Соответственно этому подходу, ЦАХАЛ расформировал некоторые группы быстрого реагирования в приграничных населённых пунктах, предназначенные для защиты их жителей в случае проникновения или вторжения врага. У членов других групп изъяли «длинноствольное оружие» (например, винтовки, пулемёты), которое было заперто на центральных оружейных складах за пределами этих общин. Это сделало использование оружия в экстренных ситуациях практически невозможным, и в результате 7 октября 2023 года многим участникам групп пришлось противостоять хорошо вооружённым террористам ХАМАСа с личными пистолетами, которые значительно уступали по мощности. Когда лидеры групп выражали протест против этого решения, им заявляли, что беспокоиться не о чем, поскольку подземный барьер сделал значительное проникновение террористов практически невозможным. В сценарии войны, рассмотренном за год до резни 7 октября, упоминались атаки против определённого пограничного кибуца с использованием противотанковых ракет и аналогичного оружия, но возможность проникновения террористов даже не рассматривалась. «Я однажды в шутку сказал командиру дивизии: “А вы не думаете, что бульдозер может снести [защитный] забор?”, - вспоминал глава группы быстрого реагирования одного из кибуцев. - Но что я понимаю? Если хирург говорит, что нужна операция, вы доверяетесь ему и идёте на операцию».

Помимо одновременного недооценивания наступательных возможностей ХАМАСа и переоценивания своей оборонительной мощи, неспособность представить крупномасштабное наземное вторжение отражала концептуальный консерватизм и даже лень высшего руководства ЦАХАЛа. Как ранее на осознание подземной угрозы ушло почти два десятилетия, так и мысль о том, что их казавшееся надёжным решение

проблемы – подземный барьер стоимостью 1,1 миллиарда долларов – было сведено на нет ещё до его полной эксплуатации, встречала сопротивление. Дошло до того, что через несколько месяцев после начала войны 2023–2024 годов офицеры ЦАХАЛа заявляли, что барьер подтвердил свою эффективность 7 октября, поскольку ни один террорист не проник в Израиль через туннели. Но это едва ли могло что-то изменить.

Прежде всего, эта упорная неготовность смотреть опасности в лицо была следствием иллюзий Осло, предполагающих, что Израиль вступил в эпоху мира, когда террористическая угроза ХАМАСа является лишь досадной помехой, которую можно сдерживать за приемлемую для страны цену. Угроза терроризма со стороны ООП, а тем более вероятность совершения аналогичного теракта на Западном берегу, полностью игнорировалась, несмотря на то, что её неоднократно восхваляли высокопоставленные чиновники ООП. Игнорируя тот факт, что длительное относительное спокойствие на Западном берегу было прямым результатом подавления террористической войны ООП 2000-2004 годов («Интифада Аль-Акса») и последующих десятилетий контртеррористической деятельности, органы безопасности продолжали считать существование «функционирующей и сильной Палестинской администрации с эффективными механизмами безопасности» необходимым условием для способности Армии обороны Израиля «выполнять свои миссии» (используя последние слова уходящего Центрального командования), а не геноцидного врага, которым она всегда была.

Неудивительно, что пресс-служба Армии обороны Израиля делала все возможное, чтобы исключить любой намек на терроризм ООП из своих регулярных отчетов о задержанных террористах Западного берега, опубликованных во время войны 2023–2024 годов, отметив только задержанных ХАМАСа и не упомянув о большем числе задержанных ООП. Аналогичным образом, когда 24 июля Армия обороны Израиля и Шин Бет убили местных командиров ХАМАСа, «Исламского джихада» и ООП Тулькарма, пресс-секретарь Армии обороны Израиля упомянул организационную принадлежность первых двух убитых террористов, но не командира ООП, назвав его «террористом в местной террористической группировке».

Утверждение о «сдержанном ХАМАСе» стало основой подхода, согласно которому умелое использование метода «кнута и пряника» могло удерживать организацию на расстоянии в течение определённых периодов времени. От уверений Ядлина и Барака о том, что ХАМАС утрачен после операции «Литой свинец» (2008–2009), до заявления Ганца после операции «Защитный столп» (2012), что «наше сдерживание остаётся стабильным. ХАМАС не заинтересован в утрате контроля». От утверждений Айзенкота, что год участия в операции Protective Edge (2014) был «самым спокойным за многие годы. Ни одной царапины у солдат, и ни один гражданский не пострадал». До прогноза начальника разведки Халивы, что военные неудачи ХАМАСа в операции «Хранитель Стен» (2021), вместе с разумной экономической политикой Израиля в Газе, приведут к 5 годам спокойствия. До оценки Кохави после его ухода на пенсию: «ХАМАС понимает, что он перенес очень болезненные удары, и, более того, понимает, что все его военные операции ничего не достигли. Поэтому он выбрал политику, которая не совершает

террористические атаки против Израиля, а скорее сосредоточена на улучшении экономического положения [населения Газы]. За два месяца до 10/7 массовых убийств директор INSS Тамир Хайман, который в качестве начальника разведки ЦАХАЛа заявил в 2019 году, что «ХАМАС в значительной степени удерживается от войны», заявил, что «мы не находимся на пороге войны на нескольких фронтах по сценарию войны Судного дня».

Это предполагаемое «сдерживание» ХАМАСа считалась не только следствием жёсткости израильских ответных мер на атаки (чем сильнее реакция, тем дольше сохраняется затишье), но также, возможно, в ещё большей степени, результатом эффективности предложенных «пряников». Отсюда постоянное давление со стороны структур безопасности на допуск тысяч рабочих из Газы (и Западного берега) в Израиль; отсюда настойчивость Ха-Леви, занимавшего пост командующего Южным военным округом, на включении «политико-экономических и международных» факторов в оперативные планы по Газе; отсюда решительная поддержка ЦАХАЛом регулярных поступлений катарских денег в поддержку гражданской администрации ХАМАСа после того, как в 2018 году ООП прекратила переводить эти средства (Ха-Леви даже сопровождал главу Моссада Йоси Коэна в Доху для переговоров об увеличении поддержки Газы).

Как выразился начальник Генерального штаба ЦАХАЛа Гади Айзенкот:

«Вместо того, чтобы получать 15 миллионов долларов от ООП, они [ХАМАС] получают их от Катара. Это не выкуп или что-то подобное. Это финансирование администрации, которое поступает другим путем. Это тоже служит нашим общим интересам... [потому что] проблема Газы – это не только военная проблема, которую можно решить с помощью кнута. Это гораздо более сложная проблема, требующая многослойного подхода, чтобы предотвратить крайне негативное направление, в котором движется сектор».

Бригадный генерал Ами Саар, начальник отдела исследований в управлении военной разведки, который не сумел предсказать резню 7 октября, подробнее раскрыл эту концепцию в интервью, когда вступил в должность в июле 2020 года:

«ХАМАС не заинтересован в конфронтации с Израилем, он сдержан. Больше всего его беспокоит экономическая ситуация в секторе... Компонент построения государства в представлении ХАМАСа становится более заметным. С самого начала у ХАМАСа было две идентичности – движение религиозного сопротивления и национальное движение. С 2007 года он также стал сувереном Газы, и его оценивают в этом качестве ежедневно. Главным фактором, определяющим реальность, с которой сталкивается ХАМАС, является экономика».

По мнению Саара, в отличие от своих тоталитарных коллег в арабском мире, лидеры ХАМАСа искренне заинтересованы в социально-экономическом благополучии жителей Газы: «Яхья Синвар вырос в лагере беженцев Хан-Юнис, и его семья до сих пор там, а Исмаил Хания вырос в лагере Шати. Поэтому, когда жители Газы были экономически

подавлены, они посылали нам агрессивные сигналы». Это не означает, что Синвар отказался от своего идеологического обязательства уничтожить Израиль, но он не спешил это делать, «потому что он мыслит в других временных категориях, нежели мы; он верит, что вечность на его стороне. А пока он хочет фундаментально улучшить положение Газы... Пока он чувствует, что есть прогресс – проекты, международные деньги – он сдержан. Но если он решит, что прогресса нет или с ним играют, он подаст нам сигнал [военной эскалацией]».

Пробуждая многовековую сионистскую надежду, что экономический прогресс, сопровождающий еврейское национальное возрождение, смягчит палестинскую враждебность и облегчит путь к примирению, этот анализ глубоко неверно понимает суть угрозы, стоящей перед Израилем. Во-первых, не отчаяние стало движущей силой палестинского терроризма с начала конфликта, а надежда уничтожить еврейское национальное возрождение, которой процесс Осло придавал новый импульс. Во-вторых, в современном мире социально-экономический прогресс редко служит рецептом политической умеренности и межобщинного сосуществования; его часто заменяет националистический, религиозный и ксенофобный экстремизм. К тому же именно представители образованных и обеспеченных слоев общества, а не бедные и угнетенные, инициировали великие революции и совершали худшие акты насилия. Так было и с палестинскими арабами, чья политическая радикализация и склонность к насилию, начиная с дней британского мандата (1920–1948) и до настоящего времени, усиливались по мере улучшения их социально-экономического положения.

Ещё в 1937 году британская комиссия, расследовавшая широкомасштабное арабское насилие в подмандатной Палестине, отметила: «С почти математической точностью улучшение экономической ситуации в Палестине означало ухудшение политической ситуации». Спустя шесть десятилетий Ясир Арафат и руководство ООП точно так же пожертвовали социально-экономическим благополучием палестинцев, используя процесс Осло как троянского коня для попытки уничтожения Израиля (параллельно обогащая себя за счет этой трагедии). К моменту церемонии на лужайке Белого дома социально-экономические условия на Западном берегу и в Газе были гораздо лучше, чем в большинстве соседних арабских государств, благодаря десятикратному росту ВВП на душу населения за два предыдущих десятилетия. К моменту смерти Арафата в ноябре 2004 года его террористическая война сократила доходы палестинцев до минимума, а многие из них оказались в бедности и отчаянии.

Если это было отношение «умеренной» палестинской фракции, то надежда склонить ХАМАС к роли «нормального» суверена, сосредоточенного на управлении территорией, находящейся под его контролем, или вера в его заботу о благополучии простых жителей Газы, не могла быть более оторвана от реальности. ХАМАС, являясь палестинским ответвлением «Братьев-мусульман», не является обычным национально-освободительным движением, стремящимся к самоопределению. Это военизированная исламистская группа, воспринимающая свою войну против Израиля как часть джихада, направленного на расширение исламского доминиона и недопущение сдачи земель неверным. Таким образом, уничтожение Израиля и временное создание

палестинского государства на его руинах – это лишь ступенька на пути к установлению всемирного исламского халифата.

Как выразился один из лидеров ХАМАСа Махмуд Захар:

«Исламские и традиционные взгляды отвергают идею создания независимого палестинского государства... Поэтому недопустимо создание арабского государства только на земле Палестины... Точка зрения исламистов, которой придерживается ХАМАС, заключается в том, что должно быть создано великое мусульманское государство, частью которого станет Палестина... Наша главная цель – создание великого исламского государства, будь то панарабского или панисламского».

При начальнике разведывательного управления, ответственном за оценку национальной безопасности Израиля (и якобы эксперте по палестинским вопросам), который абсолютно игнорировал религиозный характер ХАМАСа и его далеко идущие последствия, неудивительно, что отдел исследований, а через него и все управление разведки и руководство ЦАХАЛа, систематически неправильно интерпретировали многочисленные очевидные признаки угрозы. Эта слепота стала очевидной ещё в интервью Саара 2020 года, когда, вопреки его утверждению о том, что Синвар сдержан и не спешит уничтожить Израиль, этот террорист активно планировал резню 7 октября и ещё больше усилил свою активность за год до этого преступления.

Так, в июле 2022 года офицер разведки дивизии Газы представил командиру дивизии 40-страничный доклад под названием «План крупного рейда ХАМАСа», который описывал многоплановое вторжение как минимум 20 элитных отрядов нухба при поддержке 54 инженерных подразделений, которые должны были прорвать защитные барьеры в десятках мест. В докладе эта угроза была определена как «самая серьёзная, стоящая перед обороной ЦАХАЛа». В следующем месяце этот офицер вместе с командиром дивизии и главой Южного военного округа представили доклад Халиве, но тот остался совершенно равнодушен, как показало его скандальное предсказание несколькими неделями позже о «пяти годах тишины в секторе Газа».

Этот самонадеянный настрой, нисходящий от верхних эшелонов, проявлялся не только в систематическом игнорировании многочисленных предупреждений со стороны оперативников полевой разведки - в частности, настойчивого аналитика из знаменитого подразделения 8200, который собрал обширные доказательства необычной активности ХАМАСа, а также месячных сообщений женщин-операторов наблюдательных постов о подозрительных действиях и аномалиях со стороны ХАМАСа, - но и в постоянном сокращении боевых сил вдоль границы с Газой. Всего один танковый батальон обеспечивал защиту всего района (половина его солдат находилась в отпуске на момент событий 7 октября), вместе с истощёнными силами пехоты. Более того, некоторые женщины-операторы, большинство из которых было зверски убито 7 октября, а несколько человек были похищены в Газу, подвергались угрозам военно-полевого суда со стороны командования, если они продолжат бить тревогу.

Степень преднамеренного игнорирования была такова, что к началу октября 2023 года разведывательное управление выражало уверенность в «потенциале спокойствия» в секторе. Новый офицер разведки дивизии Газы, несмотря на аномальную активность коммуникаций ХАМАСа и «резкий рост» тренировочной активности шести батальонов «нухба» (3,000–4,000 боевиков, что примерно соответствует числу террористов, вторгшихся в Израиль), оценил, что «в данный момент ситуация, кажется, движется в сторону договорённостей и снижения напряжённости». Аналогичное сообщение было передано Нетаньяху на специальной консультации по безопасности 1 октября, во время которой главы ЦАХАЛа и Шабака прогнозировали снижение напряжённости на время праздника Суккот, но подчеркнули, что продолжение относительного спокойствия в секторе потребует увеличения числа палестинских рабочих в Израиле. В результате боеготовность ЦАХАЛа была низкой на протяжении недели праздника, а оперативный отдел одобрил проведение музыкального фестиваля Supernova под открытым небом всего в нескольких километрах от границы с Газой. Этот фестиваль стал главным местом массовой резни 7 октября, когда были убиты более 360 участников, а около 40 человек похищены. Даже 7 октября в 3:17 ночи - за три часа до вторжения ХАМАСа и за час до участия главы Шабака в роковой телефонной консультации с руководством ЦАХАЛа - в документе Шабака говорилось о «ряде необычных признаков, которые при строгой интерпретации указывают на экстренное развертывание», но делался вывод, что «ХАМАС не заинтересован в эскалации и/или начале противостояния в настоящее время».

Игнорирование правительства и разложение ЦАХАЛа

Что делало этот устойчивый курс к катастрофе ещё более возмутительным, так это то, что политическое руководство в значительной степени не было осведомлено о тревожных признаках активности ХАМАСа вплоть до роковой консультации 7 октября и первых дней войны. Сообщается, что начальник Генерального штаба Ха-Леви не проинформировал министра обороны Галанта и премьер-министра Нетаньяху о запланированной операции по спасению заложников, предположительно удерживаемых в больнице Шифа в Газе (операция, которую он в конечном итоге не санкционировал).

Значимость этого явления невозможно переоценить. Безусловно, уникальное положение Израиля как государства под постоянной угрозой безопасности придало ЦАХАЛу и, шире, всей системе безопасности чрезмерную власть по отношению к политическому руководству. До такой степени, что в Израиле существует популярная шутка, описывающая ЦАХАЛ как армию, которой принадлежит государство. Достаточно вспомнить ультиматум Генерального штаба премьер-министру Эшколю в мае 1967 года о необходимости разорвать ужесточающуюся панарабскую «удавку» вокруг Израиля или срыв атаки на ядерные объекты Ирана в 2011–2012 годах, организованный совместными усилиями начальника Генштаба, глав Шабака и Моссада. Однако удержание жизненно важной информации в вопросе национальной безопасности от политического руководства в течение столь длительного периода времени, не говоря уже о неспособности предупредить его о возможной неминуемой атаке, равносильно эффективному военному перевороту. Это стало кульминацией годовичного гражданского неповиновения, разжигаемого массовой кампанией подстрекательства, которая отвергала

самую легитимность правительства, возглавляемого Ликудом, который только что выиграл национальные выборы, и призывала к его внепарламентскому свержению.

На первый взгляд, этот кризис был вызван запланированной правительством юридической реформой, которая в ходе кампании подстрекательства была ложно представлена как намеренная попытка превратить Израиль из процветающей демократии в «мессианскую теократическую диктатуру». На самом деле это стало кульминацией десятилетий отказа левых признать своё необратимое поражение перед так называемым «вторым Израилем» - разнородной коалицией давно маргинализированных слоёв израильского общества, начиная с ревизионистского движения Зеэва Жаботинского и его нынешнего воплощения в Ликуде, заканчивая евреями-сефардами и мизрахим, а также религиозными и ультраортодоксальными общинами.

Примером этого стал скандальный отказ одного из лидеров Аводы признать «выбор народа» после первой в истории победы Ликуда на выборах в мае 1977 года. Это неприятие достигло беспрецедентных высот в эпоху Осло, когда кровопролитие, вызванное «мирным процессом», нанесло смертельный удар по надеждам левых вернуться к власти, не говоря уже о восстановлении исторической гегемонии. Если в 1992 году у Аводы было комфортное большинство - 44 места в Кнессете из 120 против 32 у Ликуда, то к ноябрю 2022 года Авода сократилась до всего четырёх мест (по сравнению с 32 у Ликуда), едва преодолев порог для прохождения в парламент.

В этот вакуум вошли череда «атмосферных партий» с диктаторскими структурами управления, подчиняющих национальные интересы личным амбициям их лидеров. Эти партии оттянули избирателей, традиционно голосовавших за левых. Хотя они не смогли выиграть выборы, так как демографический баланс неумолимо склонился в пользу «второго Израиля» и разочарованных в провале Осло, они сохранили контроль над ключевыми институтами страны: ЦАХАЛом, службами безопасности, судебной системой, СМИ и академической средой. Эти институты они постоянно использовали, чтобы подрывать правительства, возглавляемые Ликудом. Лишь «атмосферной партии» Шарона - Кадиме - удалось победить на выборах и сформировать правительство в 2006 году, но через три года она потеряла власть и исчезла с политической сцены к выборам 2013 года. Ликуд, напротив, продолжил выигрывать следующие шесть парламентских выборов: в 2013, 2015, апреле и сентябре 2019, 2020 и 2021 годах. Однако после выборов 2021 года группа «атмосферных партий», лидеры которых ничего не имели общего, кроме пылающего желания сместить долгое правление Нетаньяху после многочисленных неудач на выборах, сформировали право-лево-исламистскую коалицию с Нафтали Беннетом, лидером небольшой партии Ямина («Направо»), который стал премьер-министром, а позже его сменил Яир Лапид, основатель «атмосферной партии» Еш Атид («Есть будущее»).

Хотя такой ход был законным, поскольку законодательство не предусматривало столь маловероятного сценария, назначение Беннета создало опасный антидемократический прецедент, при котором лидеры без общественной поддержки - его партия имела пятую часть мест Ликуда в Кнессете - могли шантажом добиться назначения его на пост

премьер-министра. Неудивительно, что это назначение запустило череду заявлений других лидеров мелких партий о своей пригодности для высшей должности в Израиле. Даже Барак, чьё короткое и катастрофическое премьерство завершилось самым худшим поражением на выборах в истории Израиля, спустя два десятилетия без стеснения заявил, что он - наиболее квалифицированный человек для этой должности, несмотря на очередную неудачу попасть в Кнессет. «Если, не дай Бог, Биби [Нетаньяху] исчезнет в полдень на следующей неделе, - заявил он группе бывших военных лётчиков, призывавших к внепарламентской смене правительства, - и появится вероятность обострения с «Хезболлой» или иранцами, либо [возникнет очередной] кризис, продолжатся социально-экономические трудности, потребуется принимать решения по Ирану, аннексии и так далее, то объективно я более подходящий и лучше подготовленный, чем кто-либо в Израиле, чтобы взять штурвал».

Покинув Аводу в январе 2011 года вместе с четырьмя другими депутатами для создания своей недолговечной партии Ацмаут («Независимость»), чтобы сохранить портфель министра обороны в правительстве Нетаньяху, из которого Авуде пришлось выйти, Барак начал неустанную кампанию клеветы против своего бывшего начальника после того, как в 2013 году он покинул правительство, в котором в течение четырёх лет был вторым по влиянию после Нетаньяху. К 2017 году он уже предсказывал общественное сопротивление и гражданское неповиновение, включая отказ высшего командования ЦАХАЛа и Шабака подчиняться приказам правительства, что фактически означало бы военный переворот. Спустя два года после провала очередной попытки войти в Кнессет через новую краткосрочную «атмосферную партию», которую он сам же и со-основал, Эхуд Барак усилил свою анти-нетаньяховскую агитацию, открыто призывая к массовому гражданскому неповиновению, чтобы предотвратить предполагаемую попытку премьер-министра установить полноценную диктатуру под предлогом чрезвычайных мер борьбы с коронавирусом. К нему присоединились Яир Лапид и Моше Яалон, покинувший Ликуд ради создания своей мертворожденной партии после того, как Нетаньяху попросил его освободить пост министра обороны, который Яалон занимал три года, чтобы позволить правой партии «Наш дом Израиль» войти в правящую коалицию.

Когда Ликуд готовился к возвращению к власти после всего одного года в оппозиции, выиграв выборы в ноябре 2022 года и сформировав правящую коалицию из 64 депутатов, анти-нетаньяховская кампания достигла новых высот. Ещё до формирования правительства Айзенкот, к тому времени уже избранный депутат, угрожал вывести на улицы миллион человек. Тем временем в середине декабря группа близких соратников Барака встретилась, чтобы спланировать массовое гражданское неповиновение, направленное на свержение новоизбранного правительства, и заложить организационные, логистические, финансовые и юридические (включая предоставление юридической помощи) основы для этого переворота.

К счастью для них, 4 января 2023 года, менее чем через неделю после формирования правительства, министр юстиции объявил о масштабной юридической реформе, которая, в отличие от паники вокруг коронавируса, позволила фантазиям о диктатуре вызвать огромный резонанс в обществе. На фоне массовой кампании подстрекательства в

электронных, печатных и социальных медиа, а также огромных рекламных щитов по всей стране, предупреждающих об угрозе превращения Израиля в диктатуру, сотни тысяч встревоженных израильтян вышли на улицы, участвуя в демонстрациях, организованных рядом хорошо финансируемых и скоординированных «протестных» групп и организаций.

Попытка правительства снизить общественное напряжение путём ограничения реформы только пересмотром принципа «разумности», позволявшего Верховному суду отменять правительственные решения - меры, которая даже была приемлема для Аарона Барака, основоположника юридической революции в Израиле, - обернулась крахом. Быстрый переход к анархии получил мощную поддержку со стороны учреждений, всё ещё находившихся под эффективным контролем левых: основных медиа, академической среды и судебной системы. В резком контрасте с размежеванием в Газе в 2005 году, когда сотни протестующих (включая подростков) подвергались длительным арестам и преследованиям, в 2023 году лишь горстка протестующих была задержана (и вскоре отпущена). Генеральный прокурор Гали Бахарав-Миара, оставшаяся от предыдущего правительства и открыто враждебная к текущему, постановила, что «эффективный протест невозможен без нарушения общественного порядка».

Эта «лицензия на хаос» позволила протестующим действовать практически безнаказанно, что быстро превратилось в бесчисленные акты общественных беспорядков: блокирование магистралей, поджоги в общественных местах, постоянное преследование правых политиков и учреждений, жестокие угрозы и подстрекательство против Нетаньяху и членов его семьи, попытки штурма официальной резиденции премьер-министра и другие проявления.

Особое беспокойство вызывал стремительно растущий отказ от резервистских обязанностей, возглавляемый организацией, назвавшей себя оксюморным именем «Братья по оружию», которая разрушала коллективный дух и товарищество в ЦАХАЛе. К середине июля 2023 года, после того как пересмотр принципа разумности прошёл первое чтение в Кнессете, «Братья по оружию» заявили, что собрали 20 тысяч подписей тех, кто отказывается выходить на резервную службу, включая, по сообщениям, 1,800 резервистов из разведывательных и «специальных» подразделений. Коллективные заявления резервистов о своём отказе служить ежедневно публиковались в СМИ, а по всей стране были установлены пункты для подписания таких заявлений. Особенно критической ситуация была в ВВС - символе мощи Израиля, - где более тысячи пилотов объявили о приостановке «добровольной резервной службы» при открытой поддержке дюжины бывших командиров и генералов ВВС. Один из пилотов недвусмысленно выразил важное следствие такого отказа: «Если вы [правительство] не остановите [юридическую реформу], не будет авиаудара по Ирану». Другой пилот, ставший бизнесменом и близким соратником Эхуда Барака, игравший центральную роль в разжигании общественных беспорядков, призвал к «раскрепощающей войне» против юридической реформы, которая, по его мнению, представляет для Израиля большую угрозу, чем его внешние враги. «Это, безусловно, закончится нашей победой», - добавил он:

Разница между нашей ситуацией и ситуацией других автократических или диктаторских режимов заключается в том, что в нашем случае, не имеющем аналогов в других государствах, именно мы, протестующие, обладаем реальной военной мощью; именно мы составляем экономическую силу. Мы и есть экономика, и мы - решение проблем страны, а не правительство. У них совершенно нет шансов нас победить.

Отражая растущую самоуверенность антиправительственного движения, эта попытка вынудить должным образом избранное правительство процветающей демократии отказаться от политических решений под угрозой военных действий или бездействия фактически приравнивается к государственному перевороту. К середине июля «Братья по оружию» угрожали, что, если правительство не откажется от юридической реформы, «ущерб, нанесённый народной армии, будет необратимым», а один из видных лидеров протестов написал в конце августа в соцсети: «В сентябре у Нетаньяху больше не будет армии - как и подобает диктатору, чья политическая карьера подошла к концу». Иными словами, ЦАХАЛ обратится против своего законного суверена - избранного правительства Израиля. Как сказал один из мятежных пилотов командующему BBC, умолявшему их прекратить бунт: «Мы поклялись служить королевству, а не королю».

К тому времени «Братья по оружию» уже открыто призывали глав силовых структур выполнить свою «священную миссию» и спасти израильскую демократию от «захвата» правительством. Клип, размещённый в TikTok, призывал трех руководителей силовых структур - главу Шабак Ронен Бар, главу Моссада Деди Барнеа и начальника Генштаба Херци Ха-Леви - подготовиться к действиям против правительства:

За неделю до обсуждений в Кнессете спикер Охана угрожает Верховному суду и открыто заявляет, что правительство движется к конституционному кризису. Правительство, которое не намерено подчиняться Верховному суду, - это мятежное правительство. Глава Шабак, глава Моссада, начальник Генштаба, момент истины приближается. Будьте готовы.

То, что такие откровенно незаконные призывы к подрыву демократической системы Израиля под ложным предлогом её спасения могли звучать безнаказанно, стало ещё одним свидетельством скандального безразличия генерального прокурора к нарастающему в стране хаосу. Не менее возмутительным был горячий отклик на эти призывы, а также поддержка отказа от резервистской службы со стороны множества отставных генералов ЦАХАЛа и высокопоставленных представителей силовых структур, включая бывших начальников Генштаба, директоров Шабак и Моссада. Так, Эхуд Барак, Гади Айзенкот, Моше Яалон и Дан Халуц, которые в бытность начальниками Генштаба резко осуждали отказ от службы, не только поддержали это явление, но и открыто поощряли неподчинение руководителей силовых структур.

Например, бывший директор Шабак Надав Аргаман заявил: «Начальник Генштаба и глава Шабак должны сказать Нетаньяху “хватит”... мы должны остановить это

законодательство любыми средствами, мы не можем выполнять соглашение, которое они подписали с нами». Ещё более прямолинейно высказался Юваль Дискин, другой бывший глава Шабак, участвовавший в блокировании удара по иранским ядерным объектам в 2011–2012 годах. Он заявил на массовой демонстрации в Тель-Авиве: «Нет ни тени сомнения - это правительство действует против демократии». Он добавил:

Сегодня вечером я обращаюсь к вам: начальник Генштаба Херци Ха-Леви, глава полиции Коби Шабтай, глава Шабак Ронен Бар, глава Моссада Деди Барнеа и комиссар по тюрьмам Кэти Перри. Я обращаюсь к вам, потому что вы - последняя линия обороны перед тем, как нас превратят из настоящей демократии в опасную автократию... Вы должны проверять и перепроверять каждую директиву правительства и консультироваться с генеральным прокурором в случае сомнений... В нынешних условиях вы обязаны подозревать любое военное мероприятие, инициированное правительством, и тщательно изучать его необходимость... Не удовлетворяйтесь устными распоряжениями политического эшелона, требуйте письменных указаний... Вы всегда должны подчиняться верховенству закона в интерпретации генерального прокурора и Верховного суда [а не правительства, вашего законного руководства].

Именно это фундаментальное непризнание легитимности последнего правительства Нетаньяху (осуждённого Дискиным как «союз расистов, гомофобов, бывших преступников, распространителей лжи, ненависти и раскола... и уклонистов от службы») или, по сути, любого правого правительства, стало причиной вялой реакции военного руководства на феномен отказа от службы и неподчинения своим политическим руководителям вплоть до трагедии 7 октября.

Ха-Леви, назначенный в последний момент правительством Лапида-Беннета под сомнительным юридическим предлогом «чрезвычайной ситуации в сфере безопасности» (что после событий 7 октября кажется абсурдным), является квинтэссенцией генеральской элиты ЦАХАЛа в её постсловесный период. Эта группа представляет собой преимущественно левоцентристский и всё более «прогрессивный» социополитический круг (что с очевидностью подтверждается их заявлениями и действиями на пенсии), недовольный своим длительным подчинением правым правительствам и стремящийся сохранить своё доминирующее положение в ЦАХАЛе перед лицом растущего числа офицеров из «второго Израиля» - представителей национально-религиозных и «поселенческих» кругов, которые гораздо менее склонны разделять иллюзии Осло и связанные с ними пораженческие оперативные установки. Как объяснил Барак, его уверенность в том, что главы силовых структур встанут на сторону Верховного суда, а не правительства - их законного суверена, основывалась на следующем:

Я знаю этих лидеров, мы называем их «стражи ворот», защитники полномочий: глава армии, начальник Генштаба, глава Шабак, глава Моссада и глава полиции. Это надёжные люди. Трое из них, без сомнения, и, надеюсь, также глава полиции. Эти трое, все они вместе со мной, Нетаньяху и [Нафтали] Беннетом, пришли из одного маленького подразделения, нашего аналога специальной

воздушной службы. В Израиле это подразделение - своего рода инкубатор будущих лидеров в различных сферах жизни. Так получилось, что начальник Генштаба, глава Моссада и глава Шабак - все ветераны этого подразделения. И мы их воспитываем. Я был командиром этого подразделения... и знаю, как они действуют... они все очень надёжные люди. Когда они столкнутся с этим противоречием, они последуют за Верховным судом, а не за своим начальником.

Прогноз Барака оказался точным. Вместо того, чтобы жёстко противостоять явлению отказа от службы, как это делалось в случае значительно меньших отказов во время размежевания 2005 года или индивидуальных отказов в прошлом, когда виновных исключали из резервных частей, а иногда судили и заключали в тюрьму, ЦАХАЛ обращался с «отказниками» 2023 года чрезвычайно мягко. Настолько, что спустя десять месяцев после начала войны в Газе, когда один из лидеров движения «Братья по оружию» на заседании комиссии Кнессета отрицал, что он когда-либо призывал к отказу от службы, несмотря на множество публичных доказательств обратного, представитель ЦАХАЛа Даниэль Хагари хвалил военную службу «отказника», а затем, под давлением общественного возмущения, отступил, ссылаясь на якобы незнание задокументированной деятельности этого человека, связанной с непрерывным подстрекательством.

Лишь 27 марта 2023 года, спустя три месяца после начала массового гражданского неповиновения, Ха-Леви огласил личное обращение к «командирам и солдатам ЦАХАЛа, проходящим регулярную и резервную службу», в котором заявил, что «место выражения протеста - в общественной сфере. Им нет места в ЦАХАЛе, так как это наносит смертельный урон. Они подрывают взаимную солидарность, а наши враги интерпретируют это как слабость и удобный момент для осуществления своих замыслов». Однако Ха-Леви смягчил силу своего послания, обратив его также к регулярной армии, где случаев отказа зафиксировано не было, и не назвал инициаторов этого разрушительного явления, не говоря уже о критике многочисленных отставных генералов и представителей силовых структур, поддерживавших отказы, и не попросив их отказаться от этого.

Четыре месяца спустя Ха-Леви выступил несколько более прямолинейно, когда в ещё одном публичном обращении призвал резервистов «разделить гражданский протест и службу в сфере безопасности и ответить на призыв к службе», потому что «никто из тех, кто служит, не имеет права сказать, что он больше не служит». «Призывы к отказу от службы наносят ущерб ЦАХАЛу... Наши резервисты для нас очень важны, и их вклад в национальную безопасность значителен», - сказал он, обращаясь к лучшим сторонам отказников. «Я ценю каждого из них, включая тех, кто с тяжёлым сердцем принял трудное решение и с дрожащей рукой подписал свой отказ от службы. Я призываю их вернуться к службе».

Однако эти действия были недостаточными и слишком поздними: к тому моменту отказы от службы достигли угрожающих масштабов, а их организаторы открыто призывали к военному перевороту. Однако Ха-Леви не только не подкрепил свои эмоциональные призывы конкретными мерами принуждения (и не дал соответствующих указаний командующему ВВС), но и попытался направить решение кризиса против правительства,

а не против подстрекателей хаоса, пытаясь заставить правительство изменить свою позицию.

В начале марта, когда законодательный комитет собирался вынести предложенную реформу на пленарное заседание Кнессета, Ха-Леви предупредил Нетаньяху, что резкая критика отказников как анархистов - а не сами их незаконные действия - вредит оперативным возможностям ЦАХАЛа и «очень болезненна для тех, кто ежедневно несёт ответственность за безопасность Израиля». Он повторил то же самое в очередной личной встрече в конце июля, заявив Нетаньяху, что жёсткая критика отказников со стороны членов правящей коалиции во главе с Ликудом, а не их подстрекательства к отказу от службы, наносит ЦАХАЛу огромный ущерб.

Чтобы усилить давление на правительство, начальник исследовательского отдела разведывательного управления Амит Саар направил Нетаньяху два письма, в которых предупреждал, что Иран, «Хезболла» и ХАМАС внимательно следят за кризисом отказов и могут быть побуждены к действиям, если решат, что ЦАХАЛ и Израиль в целом достаточно ослаблены.

Значимость этих писем трудно переоценить. Они были далеко не отчаянной попыткой поднять тревогу по поводу надвигающейся опасности, как утверждали критики Нетаньяху после 7 октября. Скорее, это была явная попытка руководства ЦАХАЛа (невозможно представить, чтобы Саар обошёл своих начальников – начальника разведки Халиву и начальника Генштаба Ха-Леви) запугать правительство, вынудив его к унижительному отступлению под дамокловым мечом «движения отказников». Если бы Саар действительно был встревожен угрозами, описанными в его письме, он бы использовал канал связи для чрезвычайных ситуаций такого масштаба и направил официальное срочное предупреждение своим начальникам в ЦАХАЛе и политическому руководству (т.е. Галанту и Нетаньяху). Это предупреждение наверняка было бы немедленно обсуждено как на уровне армии, так и, вероятно, в Совете по безопасности. Отсутствие такого рода сигнала тревоги ясно указывает на политическую мотивацию писем, особенно с учётом годичной неспособности разведывательного управления предупредить политическое руководство о «Большом плане рейда ХАМАСа», о котором оно прекрасно знало.

Ещё одним доказательством политизированного характера писем служит их тайминг: первое письмо было отправлено 19 марта 2023 года, когда законодательный комитет Кнессета собирался вынести законопроект на пленарное заседание; второе – 16 июля, за неделю до окончательной отмены критерия разумности на пленарном заседании Кнессета. Ещё более показательным является предположение, что Саар планировал отправить Нетаньяху ещё более жёсткое письмо после праздника Симхат Тора, однако это было предотвращено атакой ХАМАСа в тот же день.

Если это действительно так, то очевидно, что ни один из троих не верил ни единому слову в этом предполагаемом письме. Иначе как объяснить, что они не выпустили срочного официального предупреждения о грозящих угрозах? Почему они (и Шабак) сообщили политическому руководству за несколько дней до 7 октября, что ситуация в секторе Газа

направлена к «более расслабленному периоду», поставили ЦАХАЛ на низкий уровень боевой готовности и одобрили проведение фестиваля Supernova? Почему Халива отверг вероятность нападения ХАМАСа менее чем за четыре часа до его начала, вместо того чтобы немедленно поднять уровень готовности разведывательного управления? И главное, почему Ха-Леви и другие участники рокового телефонного совещания, на котором Халива по непонятной причине отсутствовал, решили ничего не предпринимать, столкнувшись с серьёзнейшими признаками войны, и не предупредили Галанта и Нетаньяху об угрозе беспрецедентного масштаба?

Правда заключается в том, что ни Нетаньяху, ни любому здравомыслящему израильтянину не требовалось напоминание о том, что постепенное разрушение ЦАХАЛа «движением отказников» – а не сама по себе юридическая реформа, на которую ХАМАС, «Хезболла» или Иран вообще не обращали внимания, – подорвало сдерживающую позицию Израиля и оставило его открытым для внешней агрессии. На самом деле это и было главной жалобой в адрес движения отказников, которую премьер-министр неоднократно высказывал как публично, так и на заседаниях правительства. Однако он чувствовал, что правительство не может подчиниться вымогательскому диктату небольшой элитарной военной группы, какой бы важной она ни была для оперативной готовности ЦАХАЛа, без нанесения смертельного удара по израильской демократии. Как он выразился на заседании кабинета министров 16 июля:

«В демократии армия подчиняется правительству, а не наоборот; в военных режимах правительство подчиняется армии, или, точнее, определённой группе в армии. Это основное различие между демократией и военным режимом. И подстрекательство к отказу, и сам отказ противоречат демократии и закону. Это верно для любой демократии, но в нашем случае отказ непосредственно угрожает безопасности всех граждан Израиля. Он подрывает сдерживание наших врагов, которые легко могут соблазниться агрессией против нас, и подрывает воинскую дисциплину, которая является основой существования армии».

Заключение

Некоторые люди никогда не учатся и ничего не забывают. Вскоре после подписания первого соглашения между ООП и Израилем в сентябре 1993 года главный архитектор Осло Йоси Бейлин с высокомерной уверенностью заявил: «Главное испытание этого соглашения будет не в интеллектуальной сфере, а испытание кровью». Если уровень насилия и террора «в разумные сроки» после создания ПНА не снизится значительно, утверждал он, процесс будет считаться провалом, «и если не останется выбора, ЦАХАЛ вернётся на те территории, которые собирается покинуть в ближайшие месяцы».

Можно было бы надеяться, что после тридцати одного года и 4,000 израильских жертв чудовищный провал «испытания кровью» Осло станет очевидным для всех. Однако стоило только высохнуть крови жертв 7 октября, как иллюзии Осло возродились вновь, как в Израиле, так и за его пределами. Идея создания палестинского государства на

Западном берегу и в Газе под управлением «реформированной ПНА», контролируемой ООП (что само по себе является противоречием), вновь преподносится как универсальное решение векового палестино-израильского конфликта. Как будто не ООП превратила эти территории в рассадники террора, где были убиты около 2,000 израильтян до 7 октября, особенно в ходе «интифады Аль-Аксы» - «замедленной» прелюдии к бойне 7 октября; как будто это не Арафат помог ХАМАСу превратиться в террористического монстра и использовал его как центральный элемент «интифады Аль-Аксы»; как будто ООП не воспитывает своих граждан в духе ненависти к израильтянам и евреям и не выплачивает щедрые вознаграждения семьям убитых и заключённых террористов; как будто террористы из ООП не хвастались участием в бойне 7 октября, а высокопоставленные чиновники ООП и ПНА не выражали открытого желания устроить аналогичные зверства на Западном берегу; и как будто председатель ООП и президент ПНА Махмуд Аббас не называл Осло «самой большой ошибкой Израиля», которая позволила ООП обрести мировое признание и респектабельность, не отказавшись при этом от своих геноцидальных целей.

На самом деле, несмотря на тактические разногласия и взаимную враждебность, ООП и ХАМАС являются двумя сторонами одной медали - геноцидальными террористическими организациями, которые гораздо больше заинтересованы в уничтожении Израиля и этнической чистке его еврейского населения, чем в достижении палестинской независимости. Единственное различие между ними в том, что ООП предпочла добиваться этой цели путём лжи, изображая приверженность решению о двух государствах для неарабоязычной аудитории (но никогда - для своих палестинских подданных), тогда как ХАМАС по-прежнему отказывался участвовать в этом фарсе. Это, в свою очередь, означает, что любое вновь созданное палестинское государство, управляемое ООП или ХАМАСом, неизбежно станет неисправимой террористической сущностью, нацеленной на «освобождение Палестины от реки до моря». Тем более что им, скорее всего, будет управлять ХАМАС, который уже давно захватил бы контроль над Западным берегом, если бы коррумпированная и непопулярная ПНА не была защищена контртеррористической деятельностью Израиля.

Если такое государство осуществит одновременное вторжение в стиле 7 октября с Западного берега и из Газы, орды террористов в кратчайшие сроки окажутся на многолюдных улицах Иерусалима и Тель-Авива, а также других городов и деревень в центре и на юге Израиля. Это станет гарантированным рецептом катастрофы как для Израиля, так и для палестинцев (а также для любого соседнего государства, которое присоединится к нападению), по сравнению с которой нынешний конфликт в Газе покажется незначительным.

Пока на Западном берегу и в Газе продолжают действовать законы джунглей ООП и ХАМАСа, не может быть и речи о настоящем или долгосрочном примирении с Израилем, как не может быть и создания гражданского общества палестинцев, не говоря уже о жизнеспособном государстве. Так же как создание свободных и демократических обществ в Германии и Японии после Второй мировой войны потребовало всеобъемлющей социополитической и образовательной трансформации, выходящей далеко за рамки

свержения правящих партий, так и Западный берег с Газой должны пройти глубокий процесс дерадикализации, который устранил ООП/ПНА и ХАМАС от власти, искоренит эндемичное насилие из политической и социальной жизни палестинцев и привьёт им принципы сосуществования с израильскими соседями. Первым шагом на этом долгом и извилистом пути должно стать завершение продолжающихся израильских усилий по уничтожению военной и гражданской инфраструктуры ХАМАСа в Газе. Это может быть недостаточно для запуска столь грандиозных перемен. Но без этого регион неизбежно будет погружаться в ещё большую пропасть.